

*Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.*

А.С. Пушкин

ТРОПА СКВОЗЬ КОЛЮЧУЮ СТЕНУ

Наворожила захожалая цыганка ей, крестьянке российского хутора Хрещатый, бабусе Марье, что станет она в свои восемьдесят годов нарушительницей государственной границы. Бабушка только посмеялась.

— Что мелешь-то, гадалка? Умом тронулась?..

А ведь цыганка будто в чистую криницу глядела. Напророчила! Сбылось-таки.

Призналась Марья землячке по украинскому селу Лимарево, еще моложавой Варе Колещатой:

— Мама с батей снятся. Побывать бы на их могилках. Прямо душа просит.

Варя вышла сюда, в Хрещатый, замуж уже при Горбачеве. Ее близкая родня жива. Она даже не дослушала бабушку Марью, не скрыла удивления:

— Господи, чего вы маетесь? Завтра с утра пойдем. Родительская суббота. Я сама собиралась перед Троицей у своих погостить.

— Люди говорят про стену из колючей проволоки на границе. И погранцы так захватят, домой не попадешь.

— Меньше слушайте. Пограницы тоже люди. Бутылку самогонки в корзинку прикутайте. — Успокоила: — Не первый раз сестер и братьев навещаю. Все тропки знаю.

Раз так — Марья Тихоновна согласилась.

Бабушка Марья жила одиноко. А июньская ночь коротка. С вечера на душе беспокойно. Спала не спала, а чуть развиднелось — вышла с тяпкой на огород. За прополкой не заметила, как день высветлился. Голову подняла и порадовалась: светлым-бела стоит ее хатка. Похвалила себя за то, что собралась с силами и поновила около (наружные стены домика), освежила его меловой побелкой.

В дорогу собралась — Варенька тут как тут. Напомнила:

— Корзинку прихвати. Половницы нарвем. Уродилась нынче.

Половницей на хуторе называют полевую землянику.

В пути за разговорами не заметили, что граница уже рядом.

На крутогоре меж кустами шиповника нашли богатую земляничную поляну. Трава сплошь усыпана красной ягодой. Ногой ступить некуда.

Присели отдохнуть. От запаха разнотравья голова закружилась. Спелую сладкую землянику хоть горстью черпай. А Варя все на часы поглядывает. Вдруг скомандовала:

— Наше время. Пограничный наряд прошел.

Спустились в овражек. Травы в пояс. Когда-то тут скотину пасли, травостоя такого не было. Вся зелень выбивали. Овечья отара пройдет — сплошь ископывенная земля.

Круча вывела к отвершку, к бывшей полевой меже, перепоюсанной теперь колючей проволокой в двухметровый рост, если не выше.

— По дождевой промоине проползем, — объяснила Варя. — Она травой сверху заросла. Как по трубе переберемся.

А дальше? Дальше поднялись в полный рост. В округе ни души. Пошли знакомой до боли сердечной дорожкой — затравенелой, еле угадываемой — к своему родному селу.

Лимаревское кладбище — на опушке дубравы, подступившей к окраинной улочке.

— Оставайтесь теперь туточка, а я на часок забегу к сестричке. За вами зайду, — сказала Варя.

Бабушка Марья меж каменными памятниками и деревянными крестами шла, как по селу. На фотографиях узнавала односельчан, читала хорошо знакомые фамилии, имена. Шла вглубь лесочка к своим. И — обрадовалась. Родные могилки ухожены к Троице. Будто свечечки, свежей краской светятся жестяные пирамидки. Даже украшены клеченьем — живыми ветками клена, листья не успели привянуть. «Слава тебе, Господи, есть еще добрые памятливые люди», — подумала про себя.

Встала на колени. Молилась с поклонами. Видела не могилки, а лица — мамы, бати.

Присела, а затем и прилегла на траву, к земле ближе.

Вдруг — заговорила вслух. Ей казалось, что они, роденькие, ее слышат, как слушают песни невидимых в листе птиц. Марья говорила о своем житье-бытье. Мужа схоронила, но жалиться грех. Дети не бросают, хоть переехали жить в районный городок. Внучата радуют. «Самый младший, Ванюшка, — отряха отряхой. Папка с мамкой его ругают, а я говорю: паренек растет — умнеет на глазах». Добавила о себе: «А я пока сама за собой управляюсь».

Спохватилась: «Я сладку ягоду вам принесла. Как девочкой, помните, ходила с подружками в степь за половницей». Бережно сыпала ее в могильную траву.

Рассказывала обо всем сбивчиво, так беседовала с мамой-тятьей.

В земной мир ее вернул громкий голос Варюши: «Погостили? Пора и на дома собираться. Самый наш приграничный час».

Знакомой промоиной нырнули сквозь колючую стену.

В ложбинке пыталась припомнить, где она ползала под такой же изгородью. Чуть не хлопнула себя ладонью по лбу. Как же можно-то забыть?! В оккупацию фашисты — немцы и итальянцы — собирали их, сельских девчат, на работу в Германию. Загнали в лагерь, остолбленный и окутанный точь-в-точь такой же колючей проволокой. Темной ночью Марусе с подружками удалось сделать подкоп, скатиться в ближний овраг и бежать, бежать...

А сейчас попутчицы на том же крутогоре в тенечке от куста шиповника не топясь рвали горячую от солнечного тепла ягоду. «Ох, уродилась нынче, — приговаривала Варя. — Ешь — не хочу». — «Лишь бы не к войне. Примета такая есть», — рассудила Марья. «Война и без того гремит на нашем Донбассе, — напомнили горько Варя. — Дом моей сестры в Луганске разбомбили. Хоть все живы остались, Господь уберег».

И когда с полными корзинками неспешно и почему-то молча возвращались на хутор, Марья ясно слышала звучный колокольный перезвон. Варюшке сказать об этом не посмела. Вдруг да на смех подымет. Церкви окрест ведь ни одной...

* * *

Октябрь 1989 года. В германском Берлине толпы громили бетонный забор, разграничивший город. До той осени он разделял не просто столицу Германской Демократической Республики, а наш земной шар на два лагеря: капиталистический и коммунистический, социалистический. Не ровня Великой Китайской — берлинская стена из серых железобетонных плит. Тем не менее она десятилетия держала человечество в равновесии, не давала ему скатиться в бездну всепожирающего пламени атомной войны.

Главный разрушитель «берлинки», он же и главный коммунист могучей державы, Михаил Горбачев ошалел от небывалого счастья, вдруг выпавшего на долю околдованного-зачарованного крестьянского сына. Голубем мира с оливковой ветвью он парил над руинами, говорливо ворковал людям об «общечеловеческих ценностях». Манной небесной на него сыпались награды — «лучший немец года», лауреат Нобелевской и иных премий мира. Дьявольски помеченного родимыми пятнами на лысом лбу Михаила Сергеевича осыпали гонорарными зелеными долларовыми бумажками — знаком непоколебимого денежного могущества.

Вместе с ним еще сильнее радовались и устроители нового миропорядка. Еще бы! Кто только не приходил с мечом на нашу землю Русскую, чтобы и поставить на колени ее народы, и овладеть несметно богатыми природными кладовыми и неохватными пространствами. Не получалось. А тут жители не покоренной за тысячелетие могучей страны не ведали, что творили с родимым Отечеством. Кто бы в ту пору напомнил им предостережение известного славянского историка Николая Ивановича Костомарова: «В истории, как в жизни, раз сделанный промах влечет за собой ряд других, и испорченное в несколько месяцев и годов исправляется веками». Так нет же, собственной рукой рубили живое тело матери-Родины. Братья и сестры спешно отгораживались друг от друга новыми стенами — кто знает, на сколько лет, на сколько веков. Или — навечно.

Рубили и рубим границы по сердцу...

Хроника тех событий то с болью душевной, то с хрупкой надеждой на перемены к лучшему излагалась мной, собственным корреспондентом по южным районам Воронежской области, на страницах воронежской областной газеты «Коммуна», оставалась на черновых блокнотных листах. Из этих записей и публикаций и рождался своеобразный дневник с попыткой хоть как-то противостоять небывалому, опустошающему душу нашествию или хотя бы «дележу» единого духовного и культурного славянского пространства.

Обращаясь в наше недавнее прошлое, снова и снова задаю себе бесконечные вопросы — как любой человек, переживающий это смутное время перестроек и реформ.

Что обрели мы сегодня? Государственные межи со стеной из колючей проволоки, каких тут испокон веку не водилось. Гражданскую войну в донецкой степи — в Донбассе. Несчастья и беды, терзания и страдания в нашем русско-украинском пограничье — на украинской стороне Слобожанщины. А ведь до нас сказано: кровь людская — не водица.

И что потеряли безвозвратно? Почему и как нам, русским и украинцам, обращаясь к строке моего друга, поэта Александра Нестругина, «снег кровавый между перемел...»?

И что продолжаем терять?

Читаем и думаем...

ГОД 1990-й

Хутора в дубовых лесах

В ту пору мало кто из нас придавал значение обыденному, на первый взгляд, но любопытному факту. Воронежско-Луганская областная межа на небольшом протяжении в сто с небольшим километров, от росошанского села Кривоносово до кантемировской Гармашевки, являлась республиканской границей. Тут сходятся земли Украины и России.

Холмистая полевая сторона. На взгорье во все стороны света открывается чистая даль — «без конца и без края». Пашня, хорошо обработанная. Редкая приовражная дубрава. Пашня расчерчена лесопосадками, одна из которых и есть та самая граница, запечатленная на географических картах. Обратить на нее внимание заставляют придорожные стелы. Соседи — как с украинской, так и с российской сторон — не скардничали, оформили их с размахом. Так бы и не заметил лесополосу, какая, оказывается, разделительная. А вот соединяющий нас шлях, ровный асфальтовый тракт, — весь на виду. Прочный путь в любую погоду. И когда бы ни попадал сюда, на дороге не бывает пустынно: в оба края бегут и бегут машины — грузовозы, легковые, автобусы.

На меже живут сельские люди. Впереди путь из Кантемировского в Марковский район, на Луганск, в Донбасс. Асфальтовый сворот, дорога опоясывает нагорный дубовый лесок и круто ныряет в яр. Тут же с обочины на нас любопытно смотрят байбачата-сурчата. С этого склона видишь сразу весь приграничный украинский хутор. Лимаровка или Лимаревка — это единственная чистенькая улочка в сотню дворов. Хаты лицом к асфальту, на исходе лета и до самых заморозков под окнами цветут мальвы. На задах огородов в левадах старые вербы, а по взгорку уходит к полю кустистое займище.

Аист, как хозяин, застыл на столбе.

Конечно, стараешься высмотреть что-то отличительное. Ранее побывавший здесь (он-то и посоветовал мне заглянуть сюда) Виктор Иванович Удинцов, пред-

сделать кантемировского колхоза «Искра», рассказывал, что заезжал в Лимаровку к бригадире Ивану Меженскому по неотложному случаю: на раздобытки какой-то детали к сломавшейся сельхозмашине.

— Гляжу, коровник из пленки: стены кирпичные, а вместо крыши — арочные перекрытия, обтянутые полиэтиленом. Зимой скот не мерзнет.

Бригадные автомобильные и тракторные гаражи врезаны в склон косогора, получилась большая землянка, там же всегда тепло без подогрева.

Наособицу — домик, отделанный розовой плиткой. К нему ведет тропка из каменных плит, на ровно скошенной зеленой поляне для красоты выставлено тележное деревянное колесо. Баня, оказывается. Она на самообслуживании. Разогреть ее недолго. Плату клади в глечик-кувшин.

Удинцов рассказывал об этом у себя дома, в Валентиновке, где теперь тоже коровы зимуют в «космическом» с виду пленочном сарае. А розовой плиткой красуются колхозное правление и медпункт с почтой. Та случайная поездка к соседям подтолкнула председателя к действию: в Лимаровку он всматривался глазом хозяйственника.

А чем тут живут люди?

На пути нам встретила бабушка в платочке. Она охотно объяснила стороннему приезжему, что ходила к бригадире, да не застала его. Он, «Ваня Максимович Меженский — в хуторе всему голова», «в район, в Марковку, уехал». За него учетчица — Ира Коломиец.

Словоохотливая Ирина — «черные брови, карие очи» — стеснительно улыбается, когда ее называешь по имени-отчеству. Судьбу связала с Лимаровкой так: росла под Новочеркасском — считай, горожанка, — суженый ей встретился из этих мест.

— Когда поженились, стали наезжать сюда в гости, к родным. Видим, что здесь, на хуторе, жить можно. Асфальт проложили. Даже дом для начальной школы поставили. Думаем, чего мы где-то по углам отираемся, когда тут хата пустует.

— Не жалеете?

— Як в свои чоботы вступыла, — по-украински говорит, отшучиваясь, Ирина. Хотя присловье понятно и без перевода, спешит растолковать — дескать, как свои сапожки обула.

— Молодых в селе маловато, живут здесь больше старушки одинокие. Бригадир они сыном считают. «Передай Ване, сыночку: дрова кончаются», — попросила бабушка, какая вас ко мне направила.

— Не откажете ей?

— Как можно? Я сама вечером договарюсь с трактористами.

На столе учетчицы лежат школьные учебники, сборник «Казок» на украинском.

— Дочь Наташа, первоклассница, в школе учит украинский язык, легко дается. И меня уже считают тут за свою. Моя бабушка украинка, я в детстве ее хорошо понимала.

— А замечаете, что на границе республик живете?

Ирина опять хохочет.

— По магазинам интереснее ездить. Чего в нашей Марковке не купишь — смотришь, у вас в Кантемировке, Богучаре есть.

Припомнила:

— Случилось, Наташа, годика два ей было, заболела. Высокая температура. Фельдшерница куда-то с хутора отлучилась. Муж в поле. Я укутала ее, на руки — и выбежала на шлях. Первая попутка едет в сторону Кантемировки. Нас сразу положили на лечение в больницу. Не отказали, не ссылались на то, что мы из-за межи, из другой области, республики.

Подсказала:

— А вы езжайте в ближний к нам кантемировский хутор Хрещатый. Там половина женщин родом наши, лимаровские. Женихи там побоевитее, уведят к себе наших девчат. Сейчас нашу продавщицу засватали.

— А ваши-то женихи городских невест привозят.

— И то так, — смеясь, соглашается собеседница. — Не только меня, из Новочеркасска. Сейчас молодая семья возвратилась домой на жительство откуда-то с Севера.

Ирина хвалилась:

— А к нам газопровод ведут из Просяного, с центральной колхозной усадьбы. Со дня на день ждем. Представляете — тепло в доме без печки, без дров, вода из водопровода. Все городские удобства на хуторе. Вот тогда разбогатеет людьми.

Когда покидали гостеприимную Лимаровку, на крыльцо сельского магазинчика выскочила девушка в белом халатике и все глядела вслед нашему «вездеходу». Она будто чувствовала, что направляемся мы в Хрещатый, куда и ее вскоре должен увести свадебный поезд.

Надо же, ее жених нам попался на тракте, да не в располагавшую к разговорам минуточку: вез на ферму фураж, вдруг раскрылся крюк заднего борта на тракторной тележке. Зерно просыпалось — надо сгребать, ведром засыпать в кузов.

— Хорошо хоть вовремя остановили, — только и сказал раздосадованно. От помощи уже взмокревший Борис Гончаров отказался, а докучать ему расспросами было не к месту. Подсказал, где найти бригадара.

Кто хутором, а кто селом называет Хрещатый. Сотня дворов подковой окаймляет верховье крутого яра. Дома — на взгорье, и если видишь широкие прогоны меж ними, то знай: они не из-за беспорядочной застройки. Повырубила хутор в шестидесятые годы задуманная в чиновничьих кабинетах идея бесперспективности малых сел, желание сселить их в аграрные городки.

Воронежский Хрещатый — не просто хутор. Здесь родина двух артиллеристов, полных кавалеров ордена Славы — Бочарова Алексея Лукьяновича и Литвиненко Павла Андреевича. Сюда же переселился с Украины третий герой в солдатской шинели — Ковнацкий Ярослав Игнатьевич, пехотинец. Причем Литвиненко в мирные годы был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

— После войны у нас село было больше, — рассказал бригадир Егор Егорович Сергиенко. — А потом чуть не прикрыли. У нас же две с половиной тысячи гектаров пашни, фермы — молочная, свиноводческая, овцеводческая. Есть где хозяйствовать.

— И есть кому хозяйствовать?

— Недавно восемь новых домов поставили, да четыре еще достраиваем, на подходе. Свой люди возвращаются. Одна семья даже из Воронежа прибыла. Принимаем пока только тех, кто в животноводстве согласен работать. А там, глядишь, сами люди начнут строиться. Одному только стоит начать. На газопровод надеемся, он нам облегчит сельский быт. Соседи, украинцы, выручают: у них газораздаточную станцию монтируют раньше, к ней подключаемся и мы.

— Часто в Лимаровке бываете, Егор Егорович?

— Вчера с Меженским встречался. Горючее на нашей нефтебазе все выбрали, просил выручить.

— Не отказал?

— Последней каплей поделимся. По-соседски. Иван Максимович в трудную минуту к нам спешит. Осенью на обмолот подсолнечника направили к ним комбайн. Наш тракторист Николай Васильевич Коваль туда ездил, он родом лимаровский. Зябь помогли пахать. А они обеспечили нас хорошими семенами под-

солнечника. (Прошлой зимой кормами обменивались. У них солома лучше, а мы силоса запасли с избытком.)

— По-соседски живем, — повторил Сергиенко. — Как и положено добрым людям.

Дорога вновь вывела нас на межу. Позади Украина, впереди Россия...

Веками складывалась жизнь.

Едем делегацией к соседям. За газетным «круглым столом» договорились обсудить государственные проблемы на местном уровне. Нас призывал к подобной гласности первый президент СССР Михаил Горбачев.

На шляхе меж Кантемировкой и Марковкой, где сходится Россия с Украиной, нет, слава Богу, пограничных столбов, шлагбаумов и таможен.

Но в последние месяцы соседи вдруг почувствовали, что тут стал возникать межевой кордон отчуждения.

На Луганщине ввели купоны, в любом магазине гостю из России — от ворот поворот.

— Зашли в Марковке в хозяйственную лавку, — рассказывает мне знакомый из Кантемировки. — Прицениваемся к товару, а уборщица небрежно толкнула шваброй. Советую ей, мол, в перерыве, когда людей в зале нет, лучше мыть полы. Она в крик: «А вы чьи такие? Покажите паспорта!» Продавцу подаем деньги, действительно, требует паспорт с местной пропиской: «Чужим не могу продавать».

Дико и жутко.

Веками были родня. А теперь вдруг — чужие...

Митинг под дулом обреза

Четверо суток митинговали за Степана Бандеру и его сподвижников на площади Львова сельские водители из воронежской глубинки.

Мой собеседник — чернявый парень. Колесит по всей стране в поисках стройматериалов, нужной техники. Вот эта-то нужда и завела шоферов из Ольховатки аж в Закарпатье.

— На обратном пути у Львова, на объездной дороге, нашим КамАЗам перекрыли путь парни в обычной гражданской одежде, но из-под полы пиджака у каждого проглядывало дуло обреза — охотничье ружье с укороченным стволом.

Правда, оружие разглядели позже. Потребовали наши документы. В паспортах означено: национальность — украинец. Начали парни допытываться, чего, мол, живете в России? Хотели отшутиться: «У деда спросите, какое выбрал место на жительство. А мы — дома, на родине». Но нас выслушивать не стали. Потребовали деньги, машины подогнали в хвост колонны таких же грузовиков, стоявших на обочине уже без водителей. Объяснили коротко:

— Вы нам нужны.

Попросили их по-доброму:

— Хлопцы, побойтесь Бога. У нас же не ближний путь. Машины, груз за нами числится... Дома ждут.

— Ничего, подождут.

— А гроши?

— С голоду не подохнете, кормить будем.

Командуют и не без намека поправляют ремень обреза на плече.

В общем, не церемонились. Подогнали «жигули» — номера на машинах не местные. Посадили нас в кабины, как важных персон, с телохранителями. Приезли во Львов. А там площадь забита народом — митингуют.

Вот и стояли там четверо суток.

— А в милицию за помощью не пытались обратиться?

— Там так: за порядком на площади следит милиция и эти парни с обрезам.

— А ночевали где?

— Тут же, на площади. В Львове ночи были еще не холодные. Ляжем на газонную траву, положим головы друг дружке на плечи и дремлем. Переживали за машины: КамАЗы новые — боялись, что раскурочат...

— Кормили как вас?

— Как и обещали: трижды в день в пакетиках разносили сухой солдатский паек.

Помитинговали ровно четверо суток. Потом отозвали в сторонку. Сдали мы свою наглядную агитацию — портреты Бандеры. Опять посадили нас в «жигули» и вывезли за город. Колонна грузовиков там уже поубавилась. А наши КамАЗы стоят. Сказали: «Проверяйте кабины». Все на месте, груз не тронут. Вернули документы...

Такая вот история. Наводящая на печальные размышления. Видим по телевизору частенько митинговое половодье страстей. Как же: свобода, народ выражает свою волю... На деле оказывается не так все просто.

Спрашиваю у собеседника: не бросило ли в его глазах случившееся с ними тень на народ Украины? Ответил, как уже давно обдуманное:

— Нет, понимаем. В Закарпатье нас принимали, как братьев. А выродки — где их нет?..

Этот мой «репортаж» напечатали не только в областной, но и в центральной газете. Тут же пошли звонки из Львова — из прокуратуры, из областного управления Комитета государственной безопасности СССР. Пришлось писать объяснительную записку районному прокурору, в которой я обещал назвать имена-фамилии водителей только в случае судебного разбирательства.

...Суд не состоялся. Страну залило сильнейшее половодье странных событий. В Киеве 2 октября «неизвестные старшие товарищи» вывели «голодающую и блуждающую» молодежь на площадь Октябрьской революции (будущий Майдан Незалежности). Это была первая «революция на граните» за независимость Украины. Развернули палаточный городок. Выдвинули «экономические и политические требования». Объявили бессрочную голодовку. Перекрывали движение на улицах. Окружили здание Верховного Совета УССР. Об этих событиях мало кто знал. По свидетельству моего друга, в ту пору секретаря горкома партии, скажем, «в Донбассе, на местах, внимания даже не обратили на студентов, отдыхающих на граните». Зато 15 октября в Киеве прошла многотысячная демонстрация. Председатель Верховного Совета Л.М. Кравчук вел переговоры с представителями «трудящихся». Зато спустя часы Конгресс США заслушал информацию о событиях на Украине. В этот же день первый и единственный президент Советского Союза Михаил Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира.

Зато на советских экранах телевизоров со страшной силой раскручивалось «мощное и неостановимое колесо» развала великой державы.

ПОЛЕ СЛОБОДСКОЕ. БЫЛИ РОДИМОГО КРАЯ

Кто хоть раз проезжал по железной дороге с русского Севера и Сибири к теплому Черному морю, непременно запомнил прозвучавшие из уст проводника названия больших станций — Лиски, Россось, Кантемировка, Миллерово... Географически это грань нынешних России и Украины. До поры до времени здесь не было никаких государственных границ. Были менявшиеся административно-территориальные межи — губернские и областные, уездные и районные, республиканские. В пору очередного большого славянского заселения донских и донецких

степей со второй половины шестнадцатого века на южных окраинах России сложился единый мир — Слободской или Слобожанский край. Имя ему дали слободы, появившиеся сельские населенные пункты на земле, где несли сторожевую и охранную службу пять казачих слободских полков — Острогожский, Изюмский, Харьковский, Сумской и Ахтырский. Изначально даже Харьковская губерния именовалась Слободско-Украинской. Сейчас это широкий «слобожанский пояс» в русско-украинском пограничье — ростовские, воронежские, белгородские, курские и луганские, донецкие, харьковские места. Пояс, веками скрепляющий единый русский народ, вышедший из дальней дали славянского мира, из Древней Руси.

Земля отчая, в тебе Русь жива

...нет в Европейской России края, которого судьба менее нам известна и исследована, как Слободской Украины.

Н.И. Костомаров

Всматриваюсь в отполированные до блеска древние камни на мостовых Лавры — будто пытаюсь разглядеть: где тут ступала моя прабабушка. Сейчас в это трудно поверить, но ведь было в действительности. Не одну ее, православную христианку-крестьянку с донских крутогоров, язык до Киева доводил. Пешком и за многие сотни верст! Путешествие в святые места на днепровские кручи, где крестилась в православие Русь, совершалось обычно раз в жизни и считалось богоугодным делом. В путь на моленье чаще шли женщины.

Не зов ли предков тянет сюда и нас, как перелетных птиц?

Киев чарует. Он весь в золоте куполов и осенней листвы. Еще тысячу лет назад, напоминает экскурсовод, город уже был крупнейшим в Европе, ему уступали Париж, Лондон.

С тех давних времен несут вечное великолепие Софийский собор, храмы первой на Руси Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, Золотые ворота.

С той поры из вместившей весь мир монашеской кельи Нестора-летописца явлена нам история земли нашей, что сделала нас народом, помнящим родство. Это знаменитые «Се повести времянных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Главный герой «Повестей», киевский князь Владимир, изваянный в камне, сквозь года осеняет град крестом. С его горки открывается такой речной простор, что твоей кажется родившаяся в нашем Воронеже песенная строка:

Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч...

А внизу, на Подоле, воробьиной стаей облепили школяры памятник. Ребяшняк прилежным старанием моет-чистит статую человека-легенды, поэта и философа. Сам бы Григорий Сковорода с улыбкой посмотрел на весело-суетливую толкотню. Так ведь и было в стенах академии здесь же, рядом, где он учился вместе с Михайлом Ломоносовым. Через плечо у Григория переброшены торбы-сумки. Куда в дорогу собрался? Не к нам ли на Слобожанщину, в «воронежские Афины», погостить-побеседовать о смысле жизни с острогожским полковником Степаном Тевяшовым...

Почему юг русского Центрального Черноземья и граничащие с ним украинские земли, старожилы это еще хорошо помнят, называли Слобожанский край, Слободская Украина? Ответ вроде довольно ясен: большая часть здешнего сельского населения проживала в слободах.

Жосарь у поэта Алексея Кольцова уходит на заработки из «села родного», из-под Воронежа:

В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!

И далее: «Степь раздольная / Далеко вокруг, / Широко лежит, / Ковылой-травой / Расстилается!.. // Ах ты, степь моя, / Степь привольная, / Широко ты, степь, / Пораскинулась, / К морю Черному / Понадвинулась!»

На Руси слободы обычно находились в предместье больших городов: стрелецкие, пушкарские, ямские и иные. Их жители несли службу военную, ямщицкую, мастерскую. Потому они пользовались государственными льготами — «свободами», освобождались от налоговой подати. Отсюда, считается, пошло название поселения: свобода — слобода.

Как в степной «зеленой, девственной пустыне» возник плотно заселенный Слобжанский край?

Кто хоть малость интересуется историей родимой сторонки, замечал, что воронежские и луганские, белгородские и харьковские, курские и сумские селения примерно одинаковы возрастом — большинство разменяло четвертое столетие. Было, действительно, так: слободы тут начали появляться со второй половины семнадцатого века в пору правления российского царя из рода Романовых — Алексея Михайловича, по прозвищу «Тишайшего», отца Петра Великого. Тогда здесь располагалась южная окраина — «украина» России. В «диком поле», «в степи Великой» хозяйничали племена кочевых народов. Малозаселенные лесостепные пространства одновременно вдруг стали обживаться оседло пришлым людом. Главным богатством тут, как и сегодня, являлась плодородная земля — родючие черноземы.

Дабы укрепить государственные пределы, власть довольно щедро выделяла земельные наделы служилому человеку. Живи, охраняй границу, а вернее — пограничье, и корми, содержи себя, свою семью.

С севера перебирались на жительство великорусы. Кого переселяли бояре, кто сам бежал от невыносимого господского гнета. По названиям сел нетрудно догадаться, из каких мест шли-ехали — Московское, Можайское, Каширское...

Чисто поле заселяли черкасами — днепровскими козаками из Малороссии, нынешней Украины, в ту пору подвластной полякам. Там, помните написанную пером гениального Гоголя книгу «Тарас Бульба», «...поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отомстить за посмеянье прав своих, за позорное своих унижение, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле, за все, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков». И когда Запорожская Сечь надорвала свои силы, то «вольная сиротская дорога» уводила козаков и крестьян из неволи в донские степи. Из тяжкой неволи, которая вынудила их попроситься «под руку Московского государя».

В только посаженный близ Дона на речке Тихой Сосне городок-крепость Острогожск явился вместе с семьями украинский полк в тысячу сабель во главе с Иваном Дзиньковским. В том же 1652 году под началом воеводы Арсеньева была основана крепость Сумы. Козацкий полк Герасима Кондратьева прикрыв нато-

таннйй кочевниками шлях к древним Путивлю, Рильску. Два года спустя хаты черкас оживили Харьковское городище. Строили крепости Ахтырку, Изюм.

А на приволье выростали селения с адресным названием первопроходца — Хрещатик и Хрещатый, Верхний Киев и Полтавка, Новохарьковка и Украинский, Славянка и Нижний Киев, Херсонский...

Ставили хаты и рубили избы по цареву дозволению и без оногo. Места хватало всем, не стесняли друг друга. За верную службу козакам (не казакам, казаки обживали тихий Дон южнее) предоставили права «всякими промыслы промышлять и всякими товарами торговать беспошлинно». Они свободно строили ветряные и водяные мельницы, уже было в закрамах литое зерно. Разводили скотину и ловили рыбу. На ярмарках продавали излишки продуктов.

Но — по боевой тревоге — седлали коня, становились в ружье, отправлялись в поход. Козаки свои поселения называли не селом, не деревней — слободами. В этом слове, наверное, радостью и надеждой на спокойную счастливую жизнь звучала извечная мечта каждого о вольной доле — о свободе.

Сохранились архивные документы, которые свидетельствуют о том, что уже в 1652–1653 годах полковым черкасам Острогожска вместо годового денежного жалования были даны земли за тогдашней государственной чертою на Крымской стороне в заречье Тихой Сосны и Черной Калитвы. Постепенно на этом пространстве обосновался «первый по времени» Острогожский слободской полк. Он занял территорию с запада на восток — почти от нынешнего белгородского Нового Оскола до воронежского Калача — и с севера на юг — от воронежского Урыва до луганского Старобельска.

Следом вдоль границы на западе появились слободские полки — Изюмский, Харьковский, Ахтырский, Сумской.

В Острогожске, в частности, существовало «двоевластие». Военными делами управлял полковник с козацкими старшинами. Гражданскими делами ведал царский воевода. А подчинялись они воеводе белгородскому.

Приграничную военную службу новоселам довелось нести не так уж долго. Границы государства Российского отодвинулись вскоре до самого Азовского моря. По указу Петра I было повелено в России учинить и географически разграничить губернии. Слово «губерния» пришло к нам в язык из латинского через польский — так подсказывают-толкуют словари. Как от «императора» появилось понятие «империя», так и от чина высшего управителя провинции большой округ поименовали губернией. Случилось это 18 декабря 1708 года. Придонье целиком вошло в Азовскую губернию. Но спустя три года Азов вернули туркам, а центром губернии стал Воронеж. В 1725-м ее переименовали в Воронежскую.

Губерния делилась на уезды и волости (в нынешнем понятии — на районы и сельсоветы-поселения). Но слободские полки некоторое время еще сохранялись и как территориальные единицы. Хотя их границы-межи менялись.

В 1765 году Екатерина упразднила слободские полки и учредила Слободскую Украинскую губернию с центром в Харькове. Из Воронежской в нее передали Острогожский уезд, поскольку основную часть его населения составляли потомки черкас — малороссийских козаков. А уже в 1779 году переподчинили ненадолго созданному Воронежскому наместничеству. Губернии сохранялись, но воронежский наместник управлял и Харьковским краем.

Самостоятельность Слободской Украинской губернии восстановили в 1797 году. В ее пределах Острогожский уезд был до 1802 года. Его вернули в Воронежскую губернию вместе со Старобельским уездом. Но если Старобельский в 1824 году вновь отошел к Слободско-Украинской губернии, то Острогожский больше за во-

рокежскую межу не отделялся. Старожилы порой утверждают, что «при Советской власти мы тоже вроде бы входили в Украину». Нет, в составе УССР они не жили. Путаницу породила «украинизация» — введение в нашей местности в двадцатые-тридцатые годы XX столетия украинского языка в статусе государственного. На украинской мове оформлялись документы, велось обучение, печатались местные газеты.

Так — с легкой или нелегкой руки Екатерины — козаки слободские стали войсковыми обывателями, а затем и крестьянами — где государственными, где помещичьими.

А сам Острогожский уезд тоже не оставался застывшим. Его делили на округа провинции — комиссарства в богатом на административные переделки восемнадцатом веке.

Некоторое время «заштатный город» Калитва — речь о нынешней Старой Калитве Россошанского района — являлся уездным. Калитве подчинялись селения на территории «от севера к югу на 117, а в ширину от востока к западу на 105 верст», граничившие с округами Воронежского наместничества — Валуйским, Ливенским, Бирюченским, Острогожским, Павловским, Богучарским и областью Войска Донского. Кстати, в Калитвянском уезде была «из оных селений примечательнее против прочих по пространству, по достатку жителей и ремеслам слобода Россошь войсковая». А еще Калитвянская округа славилась ярмарками. Но золотой век Калитвы-города оказался коротким. А вот восстановленный Острогожский уезд весь девятнадцатый век и начало двадцатого выстоял прочно, объединяя пределы современных районов: Острогожского, Каменского, Лискинского, Подгоренского, Россошанского, Ольховатского Воронежской области и части нынешней Белгородской.

Схоже и Россошь с 1928 по 1930 годы являлась центром округа, объединяя шестнадцать районов тогдашней Центрально-Черноземной области. Судьбе, кажется, угодно повториться. Сейчас вновь заговорили о грядущем административном переустройстве. Россошь еще раз может стать окружным городом.

Любопытно добавление к сказанному: сверяя государственный «статус» населенных пунктов, в Подгоренском районе недавно не без удивления открыли, что села Сагуны и Подгорное по сегодня официально являются... слободами!

История Слобожанского края по-своему уникальна.

Века и тысячелетия жили и живут на Дону люди. Правда, школьный курс наук об этом сообщает нам мимоходом, как бы вскользь, на фоне истории Отечества.

Уже в студенческую пору в ленинградском Эрмитаже увидел скульптурки Венер из воронежских Костенок, искусно вырезанные из кости мамонта рукой мастера еще в глубокой древности. Там же любовался скифами. На серебряном сосуде, отрытом археологами вблизи Воронежа, старый воин Геракл устраивает испытание трем своим сыновьям. Победил самый младший, Скиф: только ему удалось натянуть тетиву на отцовский лук. Ему выпало править степной Скифией.

В Москве из вавилонской вечной толчеи у стен Кремля окунулся в тишину Исторического музея. И в первом же зале вкопанно застыл у древней лодки — у дубового челна, который был выдолблен у нынешнего села Щучье Лискинского района. Как было не тронуть рукой дерево, добротное обработанное моим неведомым земляком во тьме веков! Не просто земляком — чуть ли не односельчанином! Человеком из эпохи неолита. Конечно, выждал минуту, когда отлучилась смотрительница музея, и бережно погладил ладонью ладью.

Не такой ли челн мастерил и донской славянин, живший на берегах великой реки, куда — теперь это уже доподлинно известно — простирались границы Древ-

ней Руси? На исходе десятого века он под натиском «неразумных хазар» покинул Дон. Не навсегда. В семнадцатом веке его потомки возродят Поле — Слободское. Здесь вновь из единого народного корня Руси Древней взойдут ветви кровно близкие — русская, украинская. Кровно близкие, духовно неразделимые...

Читая книги русского историка Ивана Егоровича Забелина, нашел интересные мысли о зарождении и становлении у наших далеких-далеких предков характера и личности, предопределивших величие народа.

«...южный земледелец должен был жить всегда наготове для встречи врага, для защиты своего паханого поля и своей родной земли. Важнейшее зло для оседлой жизни заключалось... в том, что никак нельзя было прочертить сколько-нибудь точную и безопасную границу от соседей-степняков. Эта граница ежеминутно перекатывалась с места на место, как та степная растительность, которую так и называют — перекасти-поле. Нынче пришел кочевник и подогнал свои стада или раскинул свои палатки под самый край паханой нивы; завтра люди, собравшись с силами, прогнали его или дарами и обещаниями давать подать удовлетворили его жадность. Но кто мог ручаться, что послезавтра он снова не придет и снова не раскинет свои палатки у самых земледельческих хат? Поле, как и море, — везде дорога, и невозможно положить на нем границы, особенно такие, которые защищали бы, так сказать, сами себя... жизнь в чистом поле, подвергаясь всегдашней опасности, была похожа на азартную игру...»

Лес, по самой своей природе, не допускал деятельности слишком отважной или вспылчивой. Он требовал ежеминутного размышления, внимательного соображения и точного взвешивания всех встречных обстоятельств. В лесу, главнее всего, требовалась широкая осмотрительность. От этого у лесного человека развивается совсем другой характер жизни и поведения, во многом противоположный характеру коренного Полянина. Правилем Лесной жизни было: десять раз примерь и один раз отрежь. Правило Полевой жизни... заключалось в словах: либо пан, либо пропал. Полевая жизнь требовала простора действий; она прямо вызывала на удаль, на удачу, прямо бросала человека во все роды опасностей, развивала в нем беззаветную отвагу и приткость жизни. Но за это самое она же делала из него игрище всяких случайностей.

...Лесная жизнь воспитывала... промышленного политического хозяина... Полевая жизнь создавала удалого воина и богатыря...»

Тут же грех не вспомнить знаменитое слово к запорожцам полковника Тараса Бульбы, героя одноименной повести Николая Васильевича Гоголя.

«— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали, мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул ру-

кой, и потряс сеюю головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиною натуры их!»

* * *

— Здравствуй, Дон!

Опять я спешу к тебе, как в невозвратном детстве. Самому верится с трудом в то — действительно ведь бывшее, былое. Шел я к тебе не однажды под нестерпимо палящим солнцем с босоногими дружками-хлопчиками. Запльвшая густой и белой крейдяной пылью тележная колея вела нас с горки на горку. Нескончаемый путь. Повзрослев, вымерял его не шагами, а велосипедными колесами, когда заимел коня на резиновом ходу. Ровно пятнадцать километров тянулась степная дорога от нашего суходольного сельца к причалу из меловых камней, от какого через реку плыл паром на отмельный песчаный берег.

Не было счастливее нас на всем белом свете. Зачем ждать по-волосьи медленно тархтящий на волнах с моторным перестуком паром. С крутого обрыва, зажмурясь, отчаянно прыгаешь в прозрачную воду. Вместе с потом и пылью смывалась, оставалась на речном дне или вовсе уносилась быстрым течением обида — слишком далека река от твоего дома.

Теперь она рядом. Автобусы и машины укоротили путь.

Остановишься на всхолмье. Дух захватывают просторы. Нужно было ладони в Волгу опустить, покачаться на днепровской волне, встретить рассвет на Мораве, переплыть через широкую, как море, Обь, окунуться в ледяную Катунь — чтобы понять, как красив ты, мой Дон.

Родины просторы.

Не топчу, как прежде, безоглядно траву — бережно ступаю, боясь примять безымянный степной цветок.

Вновь гляну окрест. С радостью вижу, что и у нас поселяются аисты. Птицы «ридной» мне «нэньки-Украины». Вдруг тяжело становится на душе, что за спиной, где неподалеку от Дона сходятся степи Украины и русские поля, — пограничные кордоны. Там ожила позабытая было:

Станым, браття, в бий кровавый вид Сяну до Дону.

В ридном краю пануваты нэ дамо никому.

Да и на нашей стороне кому-то бажается, чтобы у «москаля» тоже чесались руки, чтобы свел он счеты с «хохлом» за общей кровью щедро политые Крым, Севастополь.

Неужто история ничему не учит? Неужто вновь стоять в едино родимой степи часовенкам с православным крестом, с черной вязью славянского письма:

В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата.

...В незатолченный и незамусоренный затравенелый берег уткнулась носом рыбацья лодка. По залитому водой деревянному днищу ступаю на корму, ныряю, как когда-то, — крепко зажмурясь. И разом светлеет голова. Дон очищает душу, как крестная купель.

«Удержимся. Переживем и переможем годину смуты».

Плыву, плыву — где «неразгаданная глубь».

ГОД 1991-й

В январе 1991 года Верховный Совет СССР выполнил заказ «главного прораба перестройки» — узаконил референдум, на каком народу надлежало сказать: быть или не быть Советскому Союзу. Разумеется, «пятая колонна» к тому времени руками «архитектора перестройки, серого горбачевского кардинала, агента влияния» Александра Николаевича Яковлева оседлала государственные теле- и радиоканалы, ведущие печатные издания. Тираж одних «Аргументов и фактов» в 1991 году составил 24 миллиона экземпляров. Все эти продажные «огоньки» и перешли в информационно-психологическую атаку — со сладострастным наслаждением топтали великое историческое прошлое Отечества, «разоблачали» настоящих героев прошлого и современности, «во весь голос» охаивали былое и текущее.

Вспомним Наполеона Бонапарта:

«Я боюсь трех газет больше, чем ста тысяч штыков».

Или: «Десяток говорунов производит больше шума, нежели десять тысяч, которые молчат; в этом заключается средство к достижению успеха тех, кто лает с трибун».

Да разве времена Бонапарта сравнимы с веком нынешним, когда и говоруны, и колдуны «лаяли и вправляли мозги» не только с бумажного листа, но и сквозь «телевизионное окошко» в каждом доме!

Не сидели сложа руки те, кто понимал: что-то не то творится в государстве. Шла неприкрытая «зачистка» кадров. Один провокационный, до сих пор загадочный полет немецкого пилота-любителя в Москву с приземлением на Красной площади помог Горбачеву взмахом руки обезглавить руководство Вооруженных сил страны, которое ему казалось непослушным и которого он побаивался. Реформы в промышленности и сельском хозяйстве, в армии, науке и образовании уничтожали все лучшее, наработанное страной за десятилетия. Под рыночным флагом государственный заказ снизился с плановых 95 процентов до 30-ти. Так взорвали отлаженный экономический механизм. На телеэкранах, в печати и кино начиналась неприкрытая проповедь насилия, разврата и растления. Нелепые слухи о наступающем голоде, о нехватке продуктов и повседневных товаров в магазинах одурманивали людей. Как по команде, все подчистую сметалось с торговых прилавков и лотков.

На глазах творился управляемый кем-то неведомым хаос, вершился развал великой державы...

На родине Владимира Даля

Даже из филологов-литераторов мало кто знает, что из наших воронежских краев рукой подать до родины Владимира Ивановича Даля. Ведь родился писатель в Луганске.

Благодарные земляки посвящают ему ставший традиционным праздник сла-

вянской культуры. В нем участвовал ансамбль «Родные напевы» из Кантемировка. Русские и украинские песни в исполнении самодельных певцов тепло и сердечно принимали в селах и городах соседней области.

Когда попадаю в Луганск, стараюсь навестить эту старинную улочку. Поклонюсь великому старцу — как живому, а не застывшему в камне на пьедестале. Найду в дом-музей его имени, где услышу знакомый рассказ:

— В городе Лугань 10 ноября 1801 года родился Владимир Иванович Даль...

Дата особая. Еще и еще раз вспомним человека, обессмертившего себя созданием непревзойденного «Толкового словаря живого великорусского языка». Вспомним, считай, нашего земляка как государственника и патриота, подвижника. Врача Даля современники называли второй (после знаменитого Пирогова) «хирургической перчаткой России». Когда требовала обстановка, он, армейский лекарь, под огнем противника наводил мост для переправы войск через реку. В чиновниках служил прежде всего народу, «моему отечеству Русь». В его богатом творческом наследии — много томное собрание сказок, рассказов и повестей. А еще — сбор русских пословиц и поговорок. А еще — главный труд: за полвека Даль собрал, объяснил и «снабдил» примерами около двухсот тысяч слов. Авторитет словаря Даля и сегодня остается высоким, равного ему нет.

Пророчески звучат его мысли:

«Пришла пора подорожить народным языком...»

«Мы начинаем догадываться, что нас завели в тупицу, что надо выбраться из нее по-здоровому и проложить себе иной путь».

«Говоря просто, мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо испослеть донельзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второпях запасы».

Это наказ «сквозь века», который надо нам услышать, чтобы быть народом, а не населением, электоратом...

* * *

Избиратели Кантемировского и Марковского районов — Воронежской и Луганской областей соответственно — 17 марта на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных республик, где права и свободы в полной мере гарантируются любому человеку независимо от его национальности, как и подавляющее большинство граждан Страны Советов (78 процентов из 80-ти, принявших участие в голосовании), сказали Советскому Союзу — да!

Этот всенародный порыв вольно или невольно упредило и утвердило в сознании миллионов слушателей и зрителей телевидение. В самый канун референдума, 16 марта, вечерние часы главный канал страны вдруг «щедро отдал» Кубанскому казачьему хору, «золотым голосам» Украины, Белоруссии и других народов. На небывалом и неожиданном в ту пору праздничном концерте для истосковавшегося по настоящему народному искусству зрителя у каждого душа пела, рывалась до слез и переполнялась гордостью за могучую державу, в какой тебе выпало счастье родиться и жить. И разве поднимется рука ее порушить!..

В ту пору Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию возглавлял Леонид Петрович Кравченко. Видимо, его инициативу и его решение проморгали «архитекторы перестройки». В дни августовского путча Горбачев снял телевизионного министра с занимаемой должности. Годы спустя Кравченко в своих воспоминаниях так оценит перестройку: «Она привела к таким катастрофическим последствиям, которых не могли вызвать ни мировые войны, ни революции. Советский Союз был взорван изнутри небольшой группой влиятельных лидеров партии...»

Референдум — точнее, его итоги — не образумили неистовых лжедемократов. Отечественные «попугаи» держали равнение на «Вашингтонский обком». Не без моральной — а, главное, не без материальной — поддержки американцев через всевозможные «некоммерческие общественные организации» они дружно маршировали «парадом» государственных суверенитетов. Раз в США пануют в День независимости, то почему же самим не обзавестись схожим праздником. 12 июня 1991 года в России «в связи с провозглашением государственного суверенитета... и принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР» объявили нерабочим днем. 16 июля Украина установила такой же праздник — позже его перенесут на 24 августа. Толком никто не мог вразумительно объяснить название торжеств, в чем их смысл? Если иметь в виду Соединенные Штаты Америки, то уж лучше бы поименовать его Днем независимости. Ведь «кучма» новоявленных президентов, уже не кроясь, летали теперь за моря-океаны не рейсовыми, а собственными (особо отметим — советскими) крылатыми «какетами-членовозами» и расталкивали друг друга в очереди у парадного американского крыльца.

У полевой межи

Межевая лесополоса, официально говоря — республиканские границы. Впрочем, местные жители их таковыми никогда не считали.

— Празднику любому рады. Да погорячились депутаты с выбором даты. Какой в июле выходной сельскому жителю? Приклонить голову к подушке нет минуты...

Механизаторы уговаривали нас не торопиться. Вот-вот в поле должны были подвезти обед. Обещали «слобожанскую настоящую казачью еду» — борщ и пшеничный кулеш с бараниной, заправленный знаменитым марковским луком, тонко раскатанные пирожки с картошкой и печенкой, сладкие пышки. Пока отказывались, повариха подъехала. Хозяйка встала впереди нашей машины и расставила руки: «голодным от меня еще никто не уезжал». Как не подчиниться!

Разве мы все могли даже помыслить, что та встреча на пшеничном колхозном покосе будет последней. Что вот-вот свалят придорожную стелу с гербами наших областей и советских республик, с лозунгами о вечной дружбе украинского и русского народов. Что по обе стороны лесопосадки в чистом поле встанут пограничные и таможенные городки.

...А бронепоезд «Перестройка» на всех парах уже несся из развитого социализма в необузданно дикий капитализм. В его названии явно проступали иные буквы — «Перекройка», — означавшие перекройку Отечества.

На исходе августа «Прощанием славянки» прозвучит с телеэкрана «Лебединое озеро». Но никто в это тоже не мог поверить. А спектакль «ГКЧП» с бездейственным Государственным комитетом по чрезвычайному положению обнажил политическое закулисье: сражение за власть двух самых «главных» коммунистов — Горбачева и Ельцина, безжалостно уничтожавших великую страну. В той обделенной Богом верхушечной свите ни Минина, ни Пожарского не нашлось. Прорыв в лидеры Бориса Ельцина только ускорял развал Советского Союза.

Вот как оценивал эти московские события один из руководителей Польши в 1947–1955 годы Казимеж Мияль (1910–2010):

«Создание ГКЧП было хитроумным ходом для ускорения распада СССР и КПСС. Хотя немногие участники ГКЧП были посвящены в эту комбинацию, организованную проамериканским руководством КГБ. Подтверждает это уже тот факт, что ГКЧП запретил коммунистическим организациям и промыш-

ленным предприятиям демонстрации в поддержку ГКЧП. Хотя антисоветские манифестации были тогда почти по всей стране.

Эрозия советского руководства с внедрением туда западной агентуры, начавшиеся во времена Хрущева, привели вскоре к ее смычке с руководителями-перевертышами. Все они ждали своего часа, и с устранением К. Черненко этот час настал.

А нараставший кризис в стране деморализовал рядовых коммунистов и большинство населения. Тем более что тех и других деморализовали антисталинская истерия в СССР и провальная хрущевская программа КПСС о создании коммунизма к 1980 году.

Потому они не стали защищать СССР».

Первого августа 1991 года киевляне принимали главу великой державы, президента Соединенных Штатов Джорджа Буша. Его речь в Верховном Совете СССР журналисты назвали «котлетой по-киевски», какая застряла костью в горле у националистов — ярых сторонников независимости.

— Свобода — это совсем не то же самое, что независимость, — заявил Буш. — Американцы не поддержат тех, кто желает независимости для того, чтобы заменить далекую тиранию местным деспотизмом... Те, кто исповедует самобуйственный национализм, основанный на этнической ненависти, не получат поддержки Америки.

В этот час гость еще не смог определить, кто для США более ценен в должности надежного «потрошителя» Советского Союза — уже сдавший социалистическую Восточную Европу «друг Михаил» или рвущийся к власти «боярин» Ельцин.

Первый шлагбаум

Честно признаюсь: когда услышал, что на пути из Луганской области в нашу воронежскую Россось задержан грузовик межрайонной базы «Агроснаба», а поклажу-товар водителю пришлось оставить в украинской Марковке, — не поверил. Совсем недавно проезжал там — никаких проверок на дорогах не встречал, никаких постов не видел.

Собеседники отшучивались и пожимали плечами: мол, о чем речь? Живем веками неразделимо, кровным родством повязаны...

Напросился попутчиком к главе снабженцев Владимиру Щурову, ехавшему выяснять обстановку.

На райцентровском въезде-выезде на асфальт уложены «коридором» для одно-стороннего движения бетонные фундаментные блоки. Шлагбаум перекрывает путь. На обочине поставлен привычный для строек вагончик. Он оказался — милицейским. Познакомились с хлопцами «при погонах». Служивые охотно объяснили: действительно, распоряжением Кабинета министров Украины на дорогах из Марковки и Новопискова в сторону нашей Воронежской области открыты два поста. Правда, пункты не таможенные, а милицейские. Показали список, в который внесено шестьдесят наименований товаров, какие подлежат вывозу из республики только по лицензии.

Снабженцы россосанского «Агроснаба» везли рабочую одежду, добытую в бартерных сделках: товар на товар. В официальной перечневке указано — нужны разрешительные документы. «Оформляйте там, где покупали, — пропустим».

Тут же у нас на глазах «тормознули» машины из кантемировских колхозов. Везли домой семенной ячмень донецкой селекции. Меняли они его за не менее ценные наши воронежские семена гороха. Тоже услышали: «Возвращайтесь за

разрешительной лицензией». — «Мужики, керосин в баках на исходе. Да и недешев он нынче». Шутки, кажется, помогли. Дельный совет «втихую» шоферы получили: вернулись назад, с асфальта свернули на проселок, степными ярами пересекли «границу».

Свои люди, сочтемся...

На разрыв

Напомним читателям о российских «ястребах» Ельцина из числа тех, кто ставит в вину развал Советского Союза «голове» республики Кравчуку, а заодно и украинцам. На разрыв — в частности, славянских народов — работали дружно, до седьмого пота все «перестроечные команды» в братских республиках, подобострастно выслуживаясь перед американцами «бжезинского» разлива. И все же Декларация о государственном суверенитете РСФСР была принята 12 июня 1990 года. В ней объявили о «верховенстве» российских Конституции и Законов над законодательными актами СССР. Так что самую «атомнейшую и ядернейшую» бомбу под великую державу заложили депутаты Первого съезда народных депутатов РСФСР.

Ровно год спустя, 12 июня 1991-го, всенародно избрали первого президента РСФСР.

Жизнь свихнулась...
Там котел на полнеба рванет,
Там река не туда повернет,
Там Иуда народ продает.
Все как будто по плану идет...
По какому-то адскому плану.
Кем мы втянуты в дьявольский план?
Кто народ превратил в партизан?
Что ни шаг, отовсюду опасность...

После московских августовских потрясений теперь уже не **НА**, а **В** Украине Верховный Совет республики на первое декабря 1991 года назначил референдум о провозглашении независимости Украины и первые выборы президента.

Мнение авторитетного историка Анатолия Ивановича Уткина: «Не было ничего удивительного в том, что после августа ситуация изменилась очень значительно. Украинская коммунистическая партия, приложившая огромные усилия для сохранения Союза, была запрещена. Огромное большинство населения, включая миллионы русских, не хотели связывать свое будущее с борьбой Горбачева и Ельцина».

Подсутились и американцы, среди которых во власти очень влиятельны политики из украинской диаспоры. Они ковали железо, пока горячо. «Самоубийственный национализм» (вспомним его недавнюю речь в Киеве) вдруг поддержал тот же Буш. За четыре дня до украинского референдума президент Джордж на официальном приеме заявил, что решил признать независимость Украины.

Чему тут удивляться? После мощной информационной бомбежки населения Украинской Советской Социалистической Республики первого декабря 84 процента избирателей пришли на участки, более 90 процентов из них проголосовали за «самостоятельность». Президентом избрали Леонида Кравчука, недавнего главного коммунистического идеолога, председателя Верховной Рады.

А уже восьмого декабря 1991 года «славянские президенты» Ельцин, Кравчук и Шушкевич вблизи нашей твердыни — Брестской крепости, — в охотничьем уголке Беловежская пуща, созданном, кстати, еще по приказанию Хрущева для «небожителей», составили и подписали соглашение о том, что создано

Содружество Независимых Государств. Ельцин сразу же первым по прямому телефону доложил президенту США Бушу: Советский Союз больше не существует. Президент СССР Горбачев узнал об этом позже — ему уже из Минска позвонил Шушкевич.

Джордж Буш в связи с упразднением Советского Союза выступил с заявлением: «...Соединенные Штаты приветствуют и поддерживают исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами Содружества. <...> Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам...»

25 декабря 1991 года, в один из самых коротких и промозглых дней в году, в 19 часов 38 минут рабочие технической службы Кремля спустили красный флаг СССР с флагштока над президентской резиденцией и водрузили бело-сине-красное полотнище российского стяга. В тот же день Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика получила новое название — Российская Федерация (Россия).

Страну погрузили во тьму грядущих лет.

ПОЛЕ СЛОБОДСКОЕ. БЫЛИ РОДИМОГО КРАЯ

Шлях на Дон: тайна «Слова о полку Игореве»

I

Все течет. Все изменяется.

По словам Платона, Гераклит говорил, что все движется и ничего не стоит, и, уподобляя сущее течению реки, прибавлял, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно.

Мудрый грек из Эфеса, а ведь вы не правы. Входим, купаемся, как и предки, в кровавой водице.

Была страна, «светло светлая и украсно украшена». Огромная держава сплотила бескровно многие десятки племен и народов, вывела их из первобытного шалаша и ввела их в храм Покрова на Нерли. С Русью Киевской или Древней, кому как удобнее ее нынче называть, считались вся средневековая Европа, Восток и отдаленный Север. Отсюда прокладывали дороги прямоезжие во все стороны света, отсюда плыли корабли в края заморские. С великими князьями киевскими почитали за честь родниться короли английские, норвежские, французские.

И вот это цветущее государство в середине двенадцатого века распалось. Изначально — с благой целью, по отдельности жить богаче, ведь самостоятельное княжество равнялось крупному западноевропейскому королевству. Тогда-то Киев стал уже не прежней столицей, а «матерью городов русских».

Могучая держава распалась (заметьте цифру) на 15 княжеств. А далее — процесс пошел по-стахановски: в начале тринадцатого века Киевскую Русь представляло 50, в четырнадцатом — 250 удельных княжеств. По сему поводу народ высказался на веки вечные с едко привычной горечью: в Ростовской земле — князь в каждом селе, в Ростовской земле у семи князей один воин.

Что случилось с Русью в ходе этой перестройки-перекройки? Порабощенная Золотой Ордой, она задержалась в развитии на два-три столетия.

Главное — не разделили судьбу «неразумных хазар», не исчезли бесследно. Снова вширь «пошла Русьская земля!» Московское государство в двадцатом веке произросло Союзом Советских Социалистических Республик.

Была страна. Шагнула от крестьянской сохи в космос, «через тернии к звезд

дам». Опять-таки, считался с ней весь многоликий мир. Это не давало покоя тем, кто и вдалбливал в мозги правящей верхушке: Советский Союз — это тюрьма народов, империя зла! Разделитесь — и (царствуйте — не произносилось, властвуйте — держалось в уме) заживет народ богаче. Позже в толпу лозунг был кинут понятней и приманчивей: каждому по две «Волги» — не реки, конечно, она у всех одна, а легковухи, на каких катались отечественные начальники.

Зачарованные вороны выпустили сыр изо рта и каркнули из Беловежской пуши на весь мир: «Быть по сему!»

Державу размежевали — поразительное совпадение! — вновь на 15 независимых-независимых государств, по образу и подобию — с президентами-князьками-вождями племени во главе. Дробить ее и дальше на 50 самостоятельных штатов призывал ученый-физик, объявленный вдруг «умом, честью и совестью эпохи».

Как и наши далекие предки, оказались мы в той же реке, кровью умытые.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Как молитву повторяем эти слова вслед за поэтом-пророком.

И не подсказку ли во спасение пытаемся отыскать в сокровищнице отечественной литературы. Прежде всего — в ее жемчужине, в строках и между строк загадочного «Слова о полку Игореве». Во-первых, оно обращено и к нам сквозь толщу веков из буквально схожего доигowego золотоордынского времени. Во-вторых, можно предположить, что Игорь вышел в поход не только с целью «...отмщения за землю Русскую», он дал клятву памяти деда своего — «вернуть Руси... очень важное для всего Отечества Тмутараканское княжество» (по мысли нашего современника, писателя, исследователя «Слова» Юрия Сбитнева). В-третьих, грешно не слышать крик души — «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Карл Маркс в письме Фридриху Энгельсу из Лондона сразу после прочтения поэмы 5 марта 1856 года). Призыв от имени русских князей и обращенный к русским князьям.

Прозвучал же он, напомним, так.

С началом дележа Русь слабела на глазах как государство. «Невеселая година настала»: у князей глаза оказались завидущими, а руки загребущими; брат заглядывал через межу к брату и говорил: «Се мое, а то мое же». Завязались междоусобные войны среди единокровных родичей. А где двое дерутся, там обязательно вмешается третий. Свары оказались на руку южному соседу. В то время им был степной кочевник «цвета половы-соломы» — половец. «Летучие люди, — так говорил византийский писатель, — и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный; таковы разве грифы, которых благодетельная природа удалила в места необитаемые...» Половцы постепенно почувствовали себя хозяевами в азовских и причерноморских степях и уже наводили ужас «буйными набегами» на земледельцев Европы, а Руси отрезали дороги на восточные рынки.

До поры кочевники признавали силу. А теперь раздор меж князьями приносил им пользу. Половецкие ханы роднились с ними и уже на правах сородичей участвовали в боевых столкновениях, добываясь собственной выгоды.

Русская земля жила большим военным лагерем. На курганах полыхнет сторожевой огонь — воин с оружием уже на ногах, уже в седле, уже готов сразиться с нападающими. Только кто нынче несет смерть, пепел пожарищ? Брат восстал на брата? Или из-под копыт коня-степняка поднята тучей горчливая пыль?

Правда, беда порой еще объединяла русских князей. Когда в 1184 году половецкий хан Кобяк с неисчислимой ордой двинулся на Русь, великий князь киевский Святослав Всеволодович сумел сплотить боевые дружины в единый кулак. Кочевников разгромили и хана с сыновьями взяли в плен. А главное — освободили днепровский торговый путь.

Но неудача сплотила половцев. Вернувшийся из плена хан Кончак вновь собирал новые силы на Русь. А окрыленный удачей Святослав в свою очередь рассчитывал добить врага. Только карты ему спутал двоюродный брат Игорь, княживший на земле черниговской в небольшом новом городе Северской земли — в Новгороде-Северском. Пока в Киеве трубили сбор на лето, Игорь опередил великого князя. В апреле 1185 года он «тихо» выступил в поход, взяв с собой самых близких — сына Владимира Путивльского, ему, кстати, и шестнадцать лет не исполнилось, племянника Святослава из Рыльска и брата Всеволода, правившего в Трубчевске и Курске.

Что заставило Игоря не прислушаться к гласу старшего? Не только и не столько жажда славы. В прошлом удачливом походе Игорь кровно рассорился с Владимиром Переяславским. Игорь тогда замещал великого князя и не позволил войнам Владимира выдвинуться в голову колонны: впереди идущим в случае победы всегда доставались лучшие трофеи. Разобиженный Владимир повернул свою дружину восвояси, но — не домой. Пока свои бились с половцами, «обрек он мечом и пожаром» новгород-северских. Игорь ему в отместку позже предал огню переяславский город Глебов. Киевский Святослав постарался не заметить распри, не осудил Владимира, не окоротил Игоря.

Самолично кинула Игоря на половцев не безрассудная храбрость. Повел он «свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую» на Дон не случайно. Князь знал, что Кончак с войском с марта кочевал по левобережью Днепра — видимо, оттуда готовил новый удар на Киев. Восточные становища половцев, предполагал, остаются беззащитными. Сам же Игорь, по матери половец, с Кончаком жил в мире. Потому надеялся, что степняки не ждут от него нападения. Тем более — на Дону, где пусть и «конец поля Половецкого», зато синяя речная гладь открывает удобный и быстрый для пеших воинов и большого обоза путь на плотах и стругах в желанную землю — Тьмуторокань, в овечьяе славы предков древнейшее княжество Святой Руси. Здесь ведь «она начиналась в своем неукоротном на долгие века движении на Север... Ведь древнее название града Тьмуторокань не что иное, как город тысячи дорог. «Тьму» — тысячи, «торока» — дорога...»

И все же — Игорь просчитался, не смог «снова распахнуть окно в пределы южные, обретая тысячи дорог в иные страны мира». «Непроложенными» путями кочевники сумели сбежаться-собраться близ Дона.

*Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.*

«Черная земля под копытами косями была засеяна, а кровью полита: горем зошли они по Русской земле». Пять тысяч дружинников вместе с Игорем, его сыном, князьями и воеводами были взяты в плен. За них половцы затребуют большой денежный выкуп и обмен на своих томящихся в неволе русской соплеменников.

Произошло то, чего так боялся Святослав: поражением Игорь открыл ворота «детям бесовым» на Русь. Великий князь сумел отстоять правобережье Днепра, а левобережье половцы опустошили. В Переяславле Кончак, не ведая о том, расправился с Владимиром, обидчик Игоря скончался от ран. А у Путивля погиб сын хана Гзы. Убитый горем отец хотел свести счеты с дорогим заложником, голова

Игоря была оценена в две тысячи гривен — деньги по тому времени громадные. Старый «друг» Кончак отстоял князя. А позже тому удалось благополучно бежать из неволи. А сын возвратится домой позже с молодой невестой Кончаковной; в православии ее нарекут Настасьей.

Игорю шел тридцать шестой год в пору трагического похода. И хоть в сорок девять лет по старшинству наследника он станет князем Черниговским и будет править княжеством до кончины четыре года, то неудачное сражение с половцами останется главным делом в его жизни. Сходных битв русских князей со степняками историки насчитывают десятки. Игорева же битва и спустя века не канула в лету. Сражение обстоятельно описано в летописях, а также в художественном «Слове о полку Игореве». Остающийся доньне неизвестным автор (а таковым называют и самого Игоря, и его племянницу Болеславу, дочь князя черниговского Святослава Всеволодовича) не просто пересказывает события. Он старается достучаться до умов и сердец каждого князя: прочь распри! будьте выше личных интересов! только вместе вы сила! лишь сообща спасете Русь!

*...за обиду сего времени,
за землю Русскую...
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.*

Игорь завоевал себе славу не собственным мечом, а пером автора «Слова» — так порой говорят историки.

Увы, даже золотое и вовремя сказанное слово не вразумило тех, кому нужно было его услышать. Даже написанное кровью сердца. Сам Ярослав не предполагал, как обернется его завет сыновьям — жить в любви и согласии. Князя продолжали враждовать, и крепкий державный дом продолжал на глазах распадаться на множество малых и слабых.

«И была между братьями распря», от которой страдали, прежде всего, простолюдины; вся страна обессилевала, слабела. Сорок раз опустошали ее половцы «значительными набегами, а мелких и не перечеть». Как покарает за то половцев Золотая Орда — развеет в небытие. Но кто бы мог подумать, что и Киев, славный столичный Киев после удара кочевников усохнет в городок о двести дворов...

А что же ждет нас?

Не потому ли внимательно вглядываемся в наше прошлое, пытаемся узнать все точно, все, как было, чтобы провидеть будущее.

А нас снова и снова стараются обеспамятеть — газетным, сенсационным «открытием» (хан Батый — славянин), вкрадчивым радиоголосом (никакая не героиня Зоя Космодемьянская, а «Молодая гвардия» придумана энквэвдистами), телевизионным кинорассказом или страничкой в интернете (Ленин, Сталин, Гитлер — главные преступники века. Сбросивший на мирные японские города атомные бомбы Трумэн, конечно, не в счет). Тот, кто капает нам на мозги сладким ядом, вешает на уши не лапшу, а спагетти, хорошо знает: без исторической памяти народ уже не народ, а население, с коим управляют, как со скотом...

II

«Князь Игорь» в Росоши появился летом 1976 года. Невысокий крепыш с выправкой военного. Держался молодежато, хотя крупные залысины выдавали возраст. Предложил напечатать в газете небольшую статью о том, что, возможно, в здешних местах произошло сражение войска князя Игоря с половцами, описанное в знаменитом «Слове о полку Игореве». Он обращался к читателям с просьбой

сообщать о случайных исторических находках, которые могут быть бесценными для науки.

Явление гостя из Москвы у разговаривающих с ним вызывало в ту пору улыбку: Каяля в Росоши?! Да о месте битвы русичей с половцами столько споров, столько копий сломано — великими историками, большими учеными. Авторитетными в науке людьми! Тут же какой-то инженер-строитель. Скучно стало отставному военному пенсионеру? Заглазно его сразу окрестили: князь Игорь. К тому же он вслух гордился своим дворянским происхождением, расхваливал свой род Поливановых.

Заметку москвича напечатали в районках Росоши, Ольховатки, Алексеевки — по предполагаемому маршруту похода. С моей подачи, как собственного корреспондента, материал появился в областной воронежской «Коммуне».

Тогда же дотошно памятливым журналист из Ольховатки Григорий Филиппович Ворона припомнил: в годы молодости, в канун Великой Отечественной, перед учащимися педучилища, каковым был и он сам, выступал лектор из Москвы. Он тоже доказывал: Игорь с половцами бился здесь, на месте теперешней Росоши. Кто-то из зала нетерпеливо поставил вопрос ребром: укажите точнее — где именно? Лектор замаялся, краек в междуречье назывался неблагозвучно «мотня». Гость культурно нашелся, как ответить: «В районе городской бани».

Зал захохотал.

Смех смехом, а сообщение было принято и всерьез. Переселившиеся в провинциальную глубинку вместе с институтом промышленного птицеводства преподаватели из Ленинграда в часы досуга ставили серьезные концерты. Любитель классического пения перед исполнением арии из оперы «Князь Игорь» всякий раз подчеркивал, что в здешнем крае произошло сражение с половцами.

Шутки шутками, а «князь Игорь», он же — Алексей Матвеевич Поливанов, возвращался в Москву из Росоши не с пустыми руками. Он вез на научную экспертизу изъеденное ржой древнее копьё. А ведь найдено оно было вездесущим мальчишкой на дне речки Сухой Росоши близ той «городской бани». Находкой удивит Алексей Матвеевич и близких. Отправляясь в путь, он обещал им «копье князя Игоря». Обещал не голословно: вычислил — из всего тогдашнего оружия и доспехов сохранность выше у копьё. Поливанов, конечно, несказанно обрадовался, когда краевед Алим Морозов выложил ему на стол проржавленный кусок металла, в котором проступали очертания наконечника. «Подобный тип копий хорошо представлен в домонгольских памятниках Древней Руси», — такое заключение сделают специалисты Государственного исторического музея в Москве и укажут возраст находки — XII или XIII век.

Кстати, рассказы о поиске москвича в местной печати настраивают людей внимательнее и бережнее относиться к тому, что случайно попадает в руки. На поле у хутора Перецепного выпалили схожий наконечник копьё древнерусского воина хорошо сохранившимся. На огороде в селе Ивановка вместе с картошкой выкопали наконечник стрелы, выкованный русичем до нашествия золотоордынцев. Эти драгоценные свидетели старины далекой хранятся в краеведческом музее, не выкинуты на свалку за ненадобностью, как это нередко случается. Теперь только приходится вспоминать о безвозвратно утраченных кольчугах, шлемах.

Сам Поливанов же оказался родичем-племянником запомнившегося старожилам Росоши лектора из довоенной поры. Его дядя Николай Николаевич, всесторонне образованный человек, глубоко изучал «Слово», написал драматическую трилогию «Внук Бояна». В 1939 году Государственный литературный музей организовал экспедицию по установлению наиболее вероятного маршрута похода Игоря. Она выехала в донецкую степь. А Поливанов, видимо, самостоятельно напра-

вился ближе к Дону. Изыскания прервала не только война. После тяжелой болезни Николай Николаевич потерял зрение, поводырем его был до самой кончины в 1943 году племянник. Алексею Матвеевичу по наследству осталась рукопись «Похода» и завет — довести начатую работу до ума. Основательно заняться ею младший Поливанов смог спустя много лет.

III

Историческая наука на сегодня вроде и близка к разрешению одной из сложных загадок «Слова» (где происходили описываемые в повести-поэме события?), и далека. В летописях и в «песне» четко прописан путь, каким шло войско. Он довольно ясен и сейчас любому читателю — от теперешнего районного городка Новгород-Северского, что на Черниговщине, до Оскола-реки. А вот дальше маршрут и, главное, место битвы вызывают споры у исследователей на протяжении уже почти двух столетий — с той поры как граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин в 1800 году опубликовал найденную древнюю рукопись «Слова о полку Игореве».

С течением времени изменились названия малых рек, на берегах которых сражались русичи с половцами.

Где теперь ты, Каяла? Где Сальница с Сюурлией? Вот в чем вопрос.

Пушкинским домом Российской академии наук в Санкт-Петербурге в 1995 году издана пятитомная «Энциклопедия «Слова о полку Игореве»». В статье «Поход» перечисляются основные версии маршрута убористым текстом на... девяти страницах. Десятки вариантов, один убедительнее другого. Выбирай, пока не закружится голова. А чтобы этого не случилось, проще выделить три направления: нижнедонское, междуречье Северского Донца и Днестра, верхнедонское.

Первому начало положил главный русский летописец Николай Михайлович Карамзин: «соединясь на берегах Оскола, войско обратилось к югу, к рекам Дону и Салу, феатру блестящих побед Мономаховых». Предположение уязвимо — с 23 апреля по 9 мая русичи не могли столь быстро и без боя прорваться вглубь земли Половецкой.

Второе направление разработано наиболее весомо академиком Борисом Александровичем Рыбаковым. Доктор наук из Харькова Михаил Федосеевич Гетманец очень убедительно и доказательно «вывел» Игоревы дружины по древней Торовской дороге к речке Макатихе-Каяле меж нынешними городами Изюмом и Славянском. Ученый смог подвинуть молодежь. Ребята «выверили» путь воинов в конном походе. Писатель Юрий Сергеевич Сбитнев считает, что расчет князя Игоря «был мудр и прост: сплавиться по большой воде» в весеннее половодье по Северскому Донцу до Дона Великого. Эти и другие предположения убедительны, хорошо вписываются в канву повествования «Слова» и летописей, если верно замечание отца русской истории Василия Никитича Татищева о том, что в древних манускриптах «Донец Северский... Доном называли». Но исследователей смущает одна закавыка: в поэме различаются эти реки. Дон Великий, Синий упоминается 15 раз, Донец — 3 раза. А еще князь Игорь «мыслию поля мерил от Дона Великого до Донца», когда хочет бежать, «не быть в плену!»

Верхнедонское — третье направление. Утверждая свою «восточную» версию, Николай Николаевич Поливанов не знал, возможно, что она существует с прошлого века. Автором ее был видный историк русского права Иван Дмитриевич Беляев. Он считал, что дорога на восток долгое время оставалась хорошо «знаемой» русичами. Раз подбрюшьем у Руси «половецкие кочевья были рассыпаны по всему степному пространству от Урала до Дуная», то «русские полки удачно

могли прийти до нынешнего Урала... Не с одними придонскими и приволжскими степями знакомились приднепровские Руссы, воюя с Половцами». Что касается похода 1185 года, то Беляев утверждал: «Игорь держал свой путь на Донец, потом на Оскол и далее к Сальнице (вероятно, нынешний Богучар)».

IV

Алексей Матвеевич выполнил наказ дяди, можно сказать, сполна. Корпел над «Словом», над страницами Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Анализировал труды предшественников. В собственном поиске использовал математику, географию, топонимику, демографию, астрономию, гидрологию, почвоведение, народные предания, лингвистику, обычаи культовых погребений, средства связи и информации, доступные человеку, жившему в XII веке. Итог — научные доклады, один из которых прочитан в Русском историческом обществе.

«Версия признана реальной и близкой к истине». Она, как уже говорилось, занесена в «Энциклопедию “Слова”».

Результат — книжечка «Где ты, Каяла?», изданная в 1999 году «Московским Парнасом».

Поливанову-младшему его труд теперь дорог, как матери родимое дите. Для него он, как и для любого исследователя собственная точка зрения, «прост и доступен, как правда».

Итак, во вторник, 23 апреля 1185 года, дружина князя Игоря выступила в поход из Новгорода-Северского и через девять дней, к исходу 1 мая, подошла к Северскому Донцу; переправившись через реку, следует к Осколу-реке. Там ждет два дня, до 6 мая, князя Всеволода.

Лучший знаток земли Половецкой, историк и археолог Светлана Александровна Плетнева считает, что встреча князей состоялась в окраинной древнерусской крепости Холки (ныне Чернянский район Белгородской области). Здесь еще в первом тысячелетии до новой эры в эпоху раннего железного века существовало укрепленное поселение. Располагалось оно на правобережном высоком меловом мысу. С трех сторон — неприступное крутосклонье, с четвертой — поле отрезано выдолбленным в материке рвом глубиной в четыре метра, а шириной в семь-восемь, ограждено глиняным валом с деревянным срубом-стеной, заполненным землей.

Если отсюда мысленно циркулем очертить круг, то ближайший по радиусу путь к Дону ложится на восток. Шлях тот натопан во тьме веков. Студенты и ученые под началом профессора Воронежского педагогического университета Арсена Тиграновича Синюка на Куть-поле под селом Новохарьковка в Ольховатском районе отрыли-открыли «кузницу» кремниевых дел мастера. Жил он в среднем каменном веке — мезолите, отдаленном от нас примерно на двенадцать тысяч лет. Тогдашний кузнец уже «после ледника» выручал охотников. От камня-кременя откалывал острые пластины. А они служили наконечником стрелы, лезвием ножа, скребком и иным инструментом или оружием. В этой мастерской у Ольховатки-речки археологи обнаружили немало кремния. И удивились: камень оказался родом из Оскольского месторождения. Местный материал уступал ему в крепости-стойкости. С неблизкого для путника Оскола приносили не готовые ножи-пластины, а кремень!

«Не тот ли это шлях, где Игоря обозы проходили на синий Дон?»

Поливанов убежден: тот.

В придонской степи, где «плыл горизонт», начиналось и поле Половецкое. Молчаливо напоминают о том каменные «бабы», бесприютно и неприкаянно стоящие во дворике Воронежского краеведческого музея. Им бы вернуться на роди-

ну. Как встарь, вознестись на кургане у нынешней Марьевки — села на тракте из Оскола к Дону.

И на том же богатом историей Куть-поле сущий клад найден студентами вместе с профессором Воронежского университета Анатолием Захаровичем Винниковым. В раскопе приоткрылось время Золотой Орды. Заселено довольно плотно древнее кладбище, как нынешнее городское. Скорбный обряд однообразен. Изучено больше сотни погребений. Большинство — женские. Изредка попадаются дети. Где мужчины? Воевали и гибли в далекой стороне?

Жили тут и довольно долго — половцы? Аланы?

*...[Игорь] пронзил свой ум крепким намерением, заострил свое сердце мужеством и, преисполнившись боевого духа, повел свои храбрые полки на половецкую землю за землю русскую... добиться великого Дона...
...Хочу с вами, русские, либо голову свою сложить, либо напиток шлемом из Дона.*

Шестого мая полки князей Игоря и Всеволода направляются от реки Оскола в степь половецкую. «А Игорь к Дону воины ведет!» В обеденное время, 10 мая, у речки Сюурлия встретились половцы.

Сюурлия — это Ольховатка-речка, приток Сальницы-Черной Калитвы. Это мнение Поливановых. Ряд ученых переводят «сюурлию» с тюркского языка как «разлив воды, быстрый». Такое с речкой случается, когда в верховье Дона скоро тают глубокие снега. Второе половецкое поднимает уровень воды в притоках. Случаются «разливы рек, подобные морям». Разно толкуется название Сальницы. В тюркском есть слово «сал» — приток. Поливановы считают имя речки славянским, «дано оно по специфике воды в реке — “сальной”». Кстати, академик Олег Николаевич Трубачев неразгаданную пока «Калитву» числил древнерусским водным названием «самобытного славянского вида» в перечне с Непрядвой, что у поля Куликова.

Во второй половине дня 10 мая русичи разгромили половцев. «Мы сами к половцам пришли; их самих разбили. Ныне пойдем на них за Дон и до конца изобьем их: если нам будет и там победа, то пойдем на них и в луку моря, где не ходили и деды наши». Но наутро в субботу удача отвернулась. Половецкие полки взяли в кольцо войско Игоревое. Неравная битва закончилась в день Святого Воскресенья 12 мая на реке Каяле у Великого Дона. «Побеждены были наши»,

Не о том ли сражении молва из рода в род хранит предание: за крутым речным обрывом — «Вылыкым Прыстином» — на самой горе были болота и озера. Там давным-давно день, ночь и еще день шла битва, и все люди были побиты. Много людей, оружия и золота потоплено в болотах. Стон по ночам из-под земли идет...

Присядь у тихой заводи. Признается ли и тебе речушка Сухая Россошь, еле пробивающаяся порой сквозь заросли осоки-кияка, что она-то и есть Каяла?

V

Откроется, возможно, что шлях князя Игоря пролегал в иной стороне. Но труды ученых, исследователей, таких как Поливановы, не окажутся напрасными. Отрицательный результат в науке — тоже результат, который подвигает к истине.

VI

Князь Игорь, князь Игорь, не ты ли утвердил: один в поле не воин? Услышим ли мы тебя? Или — нам не дано предугадать, как «Слово» наше отзовется...

Беловежский путч фактически продолжил уничтожение Советского Союза, а «новую Россию» задвинул на задворки Европы. Именно на нее накинули долговую удавку по счетам СССР, принудив к сотрудничеству с Международным валютным фондом, к осуществлению под началом «советников» из США рыночных реформ.

На взгляд «властелинов мира сего», России нужно было еще раз сломить хребет. Опытные в этих делах «мясники» взяли в оборот команду Ельцина. Впрочем, ошалевшие от свалившейся на них власти, от карьерных амбиций бурбулисы, гайдары, козыревы, чубайсы, шахраи и иные «лица текущей русской истории» и не сопротивлялись.

Послушно взяли под козырек.

Рыночные реформы и обезличенная приватизация росчерками их перьев на глазах грабили опешивший от такой наглости народ и страну в целом. Один лишь факт. 14 февраля 1992 года за доллар в Сбербанке давали 120 рублей. 8 декабря курс доллара на бирже составил 419 рублей. При этом Россия распахнула настежь двери для ввоза иностранных товаров, установив нулевой импортный тариф.

С удалью, нахраписто шло нескрываемое хищническое «первоначальное накопление капитала» теми, кто толпился у государственных кормушек.

Не сбывшись обещания президента Ельцина: «Хуже будет всем в течение примерно полугода», затем последует «снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а осенью 1992 года — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей».

А на деле — обесценивались накопления предприятий и сбережения населения. Резко снижались реальная заработная плата, расходы на пенсии, стипендии, пособия.

Магазин для большинства вдруг стал музеем. Есть квас — да не про нас! Дороговат. Как всегда, в тяжкую годину народ спасал от голода огород. Даже Борис Николаевич раздумал из-за скачущих цен ложиться под поезд на железнодорожные рельсы, а тоже, как подтверждало подвластное ему телевидение, ударился в картофелеводство.

Вместо того чтобы крепить славянский мир, основу нашей государственно-сти, «ельцинисты», как и «горбачевцы», продолжили его рушить. Если Америка пользовалась и пользуется своей экономической мощью в своих интересах, то России было указано жить по законам капиталистического рынка. Так, доморощенные торгаши-спекулянты, прихватившие нефтяные и газовые скважины, рудники и шахты, стали диктовать мировые цены на природное богатство — как в своем отечестве, так и народам-братьям. Речь, прежде всего, о Белоруссии и Украине: в союзе с ними мы оставались бы мировой державой. Но новоявленные магнаты поднимали стоимость энергоносителей не ради укрепления собственной страны, а по воле хватких дельцов, совершенно безнаказанно разворовывавших все и вся в безразмерные карманы. Для таких господ вскоре найдется культурное словечко — олигарх, взятое напрокат из античной истории.

А всем нам еще не верилось, что единая славянская земля в очередной раз окажется расколотой...

При этом выкорчевывали из жизни лучших... Из первых секретарей того времени росошанский партийный лидер Иван Тимофеевич Какоткин выделялся простотой. Его можно было встретить в базарной толчее, в рейсовом городском

автובусе, шагающим по улочкам Россоси. В отпуск не ездил по курортам. Говорил, не хочет оставлять старенькую маму Анастасию Алексеевну. Ее он забрал из села в свою семью. Радовался успехам сына Сергея — студента медицинского института, гордился женой Людмилой Георгиевной, признанным хирургом-онкологом. В редкие часы свободного времени очень любил читать книги. Самым-самым для него оставался Шолохов и Сервантес. На многих страницах «Дон Кихота», например, так и остались подчеркнутые его рукой глубокие мысли великого испанца.

Как на улице, так и в служебном кабинете первый секретарь всегда был открыт любому посетителю. Часто к нему обращались с одной и той же просьбой: для домашнего строительства нужен кирпич. Уговорил четырех председателей колхозов строить небольшие заводы. Жаловались: не всегда хорошо выпечен хлеб. Старые пекарни пытались обновлять. А затем Ивану Тимофеевичу удалось «пробить» строительство крупного хлебозавода, какой бы обеспечил караваем, булками, пряниками, печеньем, сушками-баранками всю южную округу области. Возвели корпус, процентов на девяносто обеспечили оборудованием. Дело шло к пуску предприятия. Активно решали в городе и районе дорожную проблему, вели газификацию города, начали прокладывать газопроводы в села...

И тут молодой Генеральный секретарь ЦК КПСС Отчизну «поднял на дыбы». После развала Советского Союза Иван Тимофеевич с горечью скажет: «Года три нам не хватило, чтобы сделать то, что намечали. Никакая перестройка для Россоси была бы не страшна...» Скажет это Какоткин в доверительной беседе уже в должности директора местного лесхоза.

События на рубеже 1990-х в «городе среди полей» требуют отдельного разговора. Как по взмаху волшебной палочки, Россось «качнули» стихийные митинги, на которых будто с неба свалившиеся революционеры-демократы чуть ли не плевали первому секретарю в лицо. В так называемые дни государственного путча в районной газете «За изобилие» появилась заметка «Стало известно». Ее стоит запомнить.

«Как стало известно, на имя народного депутата РСФСР поступил телефонный звонок из Москвы, со Старой площади. Из разговора с ответственными товарищами стало известно, что 20 августа 1991 года, на второй день после государственного переворота, первый секретарь горкома КПСС И.Т. Какоткин звонил в Москву, в ЦК КПСС, с просьбой ввести чрезвычайное положение и создать чрезвычайные комиссии по всей стране, что еще раз подтверждает антинародную деятельность и поддержку ГКЧП первым секретарем Россосанской парторганизации.

Лица, позвонившие депутату, готовы подтвердить под присягой данную ими информацию».

Обвинители грозили Ивану Тимофеевичу судом «праведным». Вскоре он оказался безработным — по всей стране закрывали партийные учреждения. Опытному организатору и руководителю еле-еле удалось найти заурядную работенку. Новая власть поименовала себя «демократической». В ее кабинетах должностные кресла нередко занимали случайные люди. В их действиях порой «демократией» и не пахло. Они-то не без личного удовольствия разбрасывались знающими и авторитетными кадрами, какие недавно, действительно, решали все.

...В один из выходных дней весь район облетела черная весть: в одночасье от сердечного приступа скончался бывший первый секретарь бывшего горкома партии. Умер человек, никогда не жаловавшийся на «мотор». Завершил свой земной путь человек, который совсем недавно о себе говорил: «Я не знаю даже то, в какой стороне груди у меня сердце».

Россошанский народный суд восстановил в должности редактора Ольховатской районной газеты, журналистку Валентину Дмитриевну Стрижененко. Ольховатский районный совет обязал выплатить ей заработную плату за вынужденный прогул в шесть месяцев и четыре дня.

В августовские дни, когда после путча на местах кое-где началась «охота на ведьм», сессия райсовета спешно освободила редактора от занимаемой должности за публикацию, так сказать, избранных мест из документов ГКЧП, переданных ТАСС, которые печатались во всех газетах.

Депутаты при этом руководствовались известным Указом Президента России № 61, который, в частности, предписывал в соответствии с Конституцией РСФСР отстранять от исполнения своих обязанностей должностных лиц, выполняющих указания ГКЧП.

Сессия поторопилась и сразу освободила редактора районки от занимаемой должности.

— К путчу я не имела никакого отношения, — твердо заявила она.

Это, кстати, подтвердили и следователи прокуратуры. Однако депутаты и малый Совет не стали признавать своей оплошности — редактору пришлось обратиться в народный суд, который и защитил ее.

У Валентины Дмитриевны семьи не было. Жила она только газетой. Потрясение сказалось, видимо, на ее здоровье. Она тяжело заболела и вскоре скончалась в пятьдесят пять лет.

Спустя время ее обличитель, уже не депутат, но директор Россошанского химического завода Жилин — пока как свидетель по уголовному делу о хищениях на предприятии — среди ночи исчезнет из городка. На милицейских постах появится объявление: разыскивается Жилин... По слухам, скрывался он вначале в Харькове, в Белоруссии, Грузии. А это уже ближнее зарубежье. Найти его оказалось непросто.

Уже в 1992 году близостью «прикрытой» лишь лесополосами границы пользовалась даже мелкая шпана. Следователи Ольховатского уголовного розыска быстро вышли на того, кто обчистил сельские магазины в Марченковке и Костово. Только нашли вора за кордоном — в Харькове. И вот, чтобы получить ордер на арест и разрешение на препровождение грабителя к месту преступления, потребовалось полгода волокиты...

Наш современник Николай Костомаров

Второй раз в текущем столетии воронежцы отдали дань уважения земляку — Николаю Ивановичу Костомарову, чье имя в отечественной культуре стоит в одном ряду с Кольцовым и Никитиным, Буниным и Платоновым.

Знаменитый историк — так говорили о Костомарове его современники.

В 1911 году в Воронеже в память 25-летия кончины ученого-писателя были устроены торжественное заседание, этнографический концерт и большая выставка. Читающей России в ту пору не требовалось объяснять, чем именит Костомаров. Его «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» выходила седьмым изданием и являлась настольной книгой во многих семьях...

Близилась столетняя годовщина со дня рождения Николая Ивановича. В Воронежском губернском музее планировалось открыть отдел Костомарова по образцу уже ранее устроенных постоянных выставок, посвященных жизни и творчеству Кольцова и Никитина. Готовился выпуск книг. Но в 1917-м стало не до юбилеев. И хоть труды Костомарова в Кремлевской библиотеке находились под

рукой у Ленина, хоть их конспектировал в свое время Карл Маркс, зачислен историк был в числе идеологов буржуазного национализма в ряд почти не упоминаемых, не издаваемых...

В мае 1992-го года исполнилось уже 175 лет со дня рождения Костомарова. Кто интересуется отечественной историей, уже знаком с его работами. В библиотеках, где уцелели отделы дореволюционных изданий, без специального на то допуска выдают читателям книги из 22-томного собрания сочинений. Вновь выпущенные труды ученого и писателя уже не редкость на книжных полках магазинов. В Москве был издан третий, заключительный том «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

Вспоминали о Костомарове и на его родине...

Губернский и уездный города — вехи в биографии историка. В Воронеже он учился в гимназии. В Острогожске служил в полку после учебы в Харьковском университете — в богатом архиве увлекся разбором документов; по собственному признанию, «это был... первый опыт в занятиях русскою историею по источникам и первою школою для чтения старых бумаг».

Именно этим определяется то, что Воронеж и Острогожск стали местом проведения научной конференции «Николай Иванович Костомаров и его творческое наследие». В ней приняли участие ученые России и Украины, поскольку историк в своем творчестве исследовал создание Русского государства, укрепление его экономических и культурных позиций и историю Украины в период формирования и становления самобытности украинского народа.

В первый день ученые работали в Воронеже.

Во второй участники продолжили конференцию в Острогожске. О богатой истории провинциального городка рассказал редактор местной газеты Алексей Тихонович Докучаев. Краевед Владимир Леонидович Елецких сделал сообщение об истории села Юрасовки — родины знаменитого историка. О научных связях российских и украинских ученых-археологов говорил профессор Воронежского университета Анатолий Дмитриевич Пряхин.

Гости познакомились с историческими и культурными достопримечательностями Острогожска. Где воедино сплелись исторические судьбы русского и украинского народов. Где сошлись навечно русское поле и украинская степь, взрастившие на селе своего летописца — Николая Костомарова.

Духовный простор — пока неделимый...

На исходе 1980-х выпущенная в Киеве книга при участии литературного «кладоискателя», поэта Леонида Васильевича Череватенко, открыла нам именитого земляка — уроженца слободы Кантемировка, классика украинской литературы.

...Если отсчитывать самое начало творческой деятельности Евгена Павловича Плужника с первой публикации стихов в киевском журнале «Глобус» в 1923 году, если принять во внимание то обстоятельство, что в 1934 году он был незаконно осужден, выходит: без малого двенадцать лет выпало ему на долю при жизни быть поэтом. А затем — ни памяти, ни славы, только «темная вода» Белого моря вокруг превращенного в тюрьму Соловецкого монастыря и позабытого островного кладбища. Потому долгим станет его путь к современному читателю.

Когда в Воронеже в 1992 году впервые на русском языке была издана книга стихов «Ранняя осень», пришел отклик с берегов Днепра от народного поэта Украины, председателя Украинского фонда культуры Бориса Ильича Олейника:

«...Непередаваемо тронут подарком — сборником видного нашего поэта Евгена Плужника, какой впервые зазвучал словом братского русского народа!..

Наш Украинской фонд культуры всегда стоял и будет стоять на том, что по-

пытка строить суверенитет на хуторе — пустое и неблагодарное дело. Поскольку духовный простор — неделимый. Уверяю Вас, что во всех благородных делах на ниве братства Вы найдете всяческую поддержку и мою собственно, и нашего Фонда!..»

Праздник без границ

Кто-то спешит отменить, вычеркнуть из собственной истории знаменитую Переяславскую Раду, узаконившую воссоединение Украины с Россией. А тут, на зеленотравом лугу, в виду двух селений с одинаковым названием — Новобелая русская и украинская — в день советской молодежи, как и было прежде, сошлись съехались люди на праздник.

Он-то хоть и местного значения, но корнями тоже уходит в глубину веков. Когда-то под церковный колокольный звон слободские жители встречались в эту пору на Троицын день. А с появлением уже в советском календаре Дня молодежи приурочили к нему сельские гулянья. Время-то подходящее — сенокос заканчивается, а жатва хлебов еще на подходе. Не грех повеселиться.

В недавние годы такие встречи поименовали праздником дружбы народов, поскольку меж двумя Новобелыми по карте очерчена межа, отделяющая — сельсоветы, Кантемировский и Новопокровский районы, Воронежскую и Луганскую области, Россию и Украину. Правда, черту ту мало кто замечал, ведь разделяющей границы здесь никогда не существовало. Родственными, близкими узами связана буквально каждая семья.

И вдруг дорогу из села в село перекрыли шлагбаумами. А рядом встал человек с выправкой десантника, с автоматом в руках. Появилось в обиходе малознакомое прежде слово «таможня».

— Когда зимой прибыли из Воронежа первые группы омовцев — два с лишним десятка бравых ребят, — нам было наказано обеспечить их всем необходимым для проживания, — вспоминает глава сельской администрации Александр Яневич. — Мы за головы схватились: ведь они весь наш колхоз съедят...

Потом, правда, вахтовые группы в численности поубавились. Но все же одно дело — стоять у накатанной трассы, где ни днем, ни ночью не стихает поток машин. А тут ведь глубинка — тишина.

На вопрос «Куда путь держите?» таможеннику приходится выслушивать житейские объяснения:

- Гусака тещиногу везу.
- Салом батька угостил.
- Навоз перебросил на ближнее поле.

На украинской стороне появились собственные денежные знаки — пока купоны. Это сейчас продавщицы берут их с неохотой, а вначале ведь отказывались от нашего рубля. Возникли сложности в поездках по магазинам области. Словом, помимо воли людей, живущих здесь, казалось бы, в вечном добрососедстве, на границе выростала стена отчуждения.

Там, за кордоном...

Совсем недавно поездка в соседнюю Луганскую область, скажем, для воронежского жителя была обычным делом. Даже шуточно не возникала мысль, что попадешь за кордон. Ведь родственно связана чуть ли не каждая семья, живущая на грани Украины и России. Да и самые въедливые историки, роясь в прошлом, не откапают тут существования государственной черты, и для здешнего населения ее не было веками.

Теперь же, как любят выражаться политики, возникли новые политические реалии.

Едем из Кантемировка в ближний райцентр Марковку, что означает — за границу.

Перемены налицо. Привычно забитая проезжим транспортом асфальтированная дорога теперь пустынна: на недолгом пути от крайнего нашего хутора Хрещатого до луганской Марковки, это десяток километров, встретилось лишь четыре легковушки да почти пустой автобус, пока курсирующий между «зарубежными» райцентрами. Спутник мой доверительно сообщил: больше сейчас ездят полевые дорогами.

Отчего же водители так возлюбили проселок? Вблизи государственной межи с нашей стороны появилось то, что называют таможней. Асфальт весь перекрыт бетонными блоками, как танковыми надолбами. Над проезжей частью — шлагбаум. Коротают у него время мужики-крепыши в пятнистой омоновской экипировке, с автоматами в руках. Рядом, в темно-зеленом френче, — таможенник. Махнул рукой — путь свободен. Если, конечно, не везешь с собой недозволённый груз.

С украинской стороны еще не появилось никаких приграничных сооружений. И лишь на въезде в райцентровский поселок у бензоколонки дорога тоже обужена бетонными блоками. У вагончика на скамеечке скучают два милиционера.

Омытая дождем в свежей зелени улица. Вдоль нее — портретная галерея людей труда. Лица доярок, хлебопашцев. В скверике с пьедестала глядит на родимое село маршал Великой Отечественной — Андрей Иванович Еременко.

Вроде время раннее, а у дома районной Рады — стадо колхозных «бобиков-уазиков». Шло совещание, вызванное чрезвычайными обстоятельствами. Ночью по селам полосой прошел ураган с ливнем. Ветром порушило электролинии, сорвало крыши на фермах. Самое печальное — пришлось прирезать больше тысячи голов молодячка скота: на базах, сбиваясь в кучи под холодным дождем, бычки и телки окалечились.

— Не проси дождя, проси погоду, — устало повторил знакомое присловье Иван Несторович Дворецкий, представитель Президента Украины, он же и глава местной администрации. С ним удалось поговорить.

Спросил у него, как он смотрит на таможни.

— Они у меня поперек горла, — сказал он и в сердцах стукнул кулаком по столу. — Мы обычно полтора-два миллиона кирпича за сезон меняем в Кантемировке на строительный лес. Сейчас, в тяжкую минуту, думаете, не пришли бы соседи на выручку? Да теперь звонить, просить как-то неудобно. Самостийные...

Рядом с Домом Советов в поселке — торговые ряды. Обычно здесь всегда встречаешь знакомых не только из Кантемировка, Богучара, Россоши. Сейчас же у прилавков малоллюдно. Да и выбор промышленных товаров заметно беднее нашего, цены дороже. Хотя покупатель находит свое: мой спутник облюбовал рыболовные снасти.

Очередь у магазина, ждут привоза молока. Разговоры о том, что подорожал бензин, и гаданья — как подпрыгнет цена на хлеб и другие продукты. Еще услышал:

— Хай граються власти, пока терпение у нас не лопнуло...

Все, как у нас, — одни думы, одна боль. Даже наш южнорусский слобожанский говорок, в каком неразделимо слиты русская и украинская речь.

Разбуженный курган

«Крест» раскопа. Древний курган на крутогорах у речки Черной Калитвы близ воронежского села Архиповка пробудили от векового сна археологи. Саперной лопаткой паренек осторожно снимает насыпную землю — слой за слоем до нетронутой подошвы материка. Девчата, как золотодобытчики, горстями пересыпают чернозем. Стоп! Школьника сменяет студент и вскоре зовет наставника:

— Валерий Дмитриевич!

Ученый Березуцкий рядом. Вместе с помощниками — студенткой Валею Аковой и сыном-школьником, «Максим с трехмесячного возраста в экспедициях», — складывает из кусочков керамики чудный сосуд.

«Заговорил» курган.

— Встретились нам захоронения из разных времен, — рассказывает археолог Воронежского педагогического университета Березуцкий. — Из развитого бронзового века — это первая половина второго тысячелетия до нашей эры. Тут же рядом — ранний железный век: первый-второй век новой эры. Сразу пять погребений. Жаль, потревожили их еще в древности грабители по свежему следу. Но и нам кое-что оставили.

Кувшин из серой глины. Привозной.

Наконечники стрел. Кованые. «Бронебойные» — шлем и панцирь врага прошивали насквозь. Меч оригинальный — «саморобный». Можно его восстановить.

Ценная вещь — целый сосуд из камня. Принадлежал, видимо, жрице. Еще — греческий кувшин. Вот только орудий труда нет.

Уже — можно предположить: здесь кочевали сарматы.

Древнегреческий историк Геродот донес красивую легенду. Воинственные амазонки выходили замуж за скифов, в этих семьях и появились сарматы.

Археологические находки говорят о том, что «человек современного типа» обживает Воронежский край вот уже 35–40 тысяч лет. Если отмерить на обычной линейке сорок сантиметров, приняв каждый за тысячелетие, то нетрудно представить — наша древняя страница велика во времени. К счастью, знаем о ней немало. Довольно обстоятельно и, главное, доступно-популярно рассказывают об истории края ученые Анатолий Захарович Винников и Арсен Тигранович Синюк в своей книге «Дорогами тысячелетий». Она выпущена в 2003 году издательством Воронежского государственного университета и на основе новых археологических раскопок значительно расширяет прежние труды этих же авторов.

«Жемчужиной древности» мирового значения у нас были, есть и остаются стоянки на Дону человека из каменного века, расположенные у нынешнего села Костенки вблизи Воронежа. «Могучие великаны, покрытые длинной буро-рыжей шерстью, вооруженные бивнями, достигавшими в длину 4,5 метра!.. Именно мамонты привлекли сюда первопроходцев...» Их кормила и спасала удачная охота. Места для облавы лучше не найдешь: ведь звериные тропы к водопою пролегли по крутым овражистым берегам. Желанной добычей становилось питательное мясо. Теплая шкура укрывала от холода. Из нее кроили подобие одежды. Ею окутывали жилища, которые соорудили шалашом тоже из костей. Археологи подсчитали: один такой «дом» сложили из костей сорока мамонтов.

Конечно, не только тогдашнего «слона» подстерегали наши древние земляки — охотники. Ученые определили: «костенкинцы» добывали диких лошадей, оленей, лисиц, «донских зайцев», сурков, бобров, сусликов — тридцать шесть видов зверей. В пищу шли ягоды, зерна диких злаков, молодые побеги растений и корни.

Жили они оседло, а не бродили по горам и долам. Мастера вырезали-высекали из кости и нетвердого камня фигурки своих красавиц — «венер» — и зверьков.

Скорее всего, археологов на Дону ждут новые открытия. Уже в наше время останки мамонта случайно отрыли при строительстве пруда на Слобожанщине, у села Старая Калитва Россошанского района. Возможно, есть тут схожие Костенки, которые тоже поведают о жизни во глубине тысячелетий.

Отступал на север ледник. Менялся климат. Уходили ли люди вслед за тундрой, к которой привыкли? А рождающиеся лес и степь населяли пришельцы с юга? Наука ищет ответы на эти и иные вопросы.

Попавшего, скажем, в яму-ловушку мамонта забивали камнями и дубинками. Но теплое лето было уже не для него, зверь перебирался в места попрохладнее. За косулей-зайцем с увесистой палкой трудно угнаться. Человека выручил безвестный изобретатель лука и стрелы. Это охотничье оружие сделало его обладателя свободным. Он не чувствовал себя как прежде привязанным к обиталищу тех же мамонтов. Появилась возможность, а с ней — и стремление к перемене мест.

Археологию в шутку называют наукой о разбитых горшках. А если говорить всерьез, то именно глиняные сосуды оказались самым долговечным материалом, который позволяет ученым проследить, как складывалось заселение края.

Роды объединялись в племена, какие «нарабатывали» единый язык и жизненный уклад. Из них постепенно образуются народности. Глиняные керамические черепки, другие находки подсказывают, что на исходе каменного века нашими донскими степями шли предки будущих финнов, венгров, удмуртов, марийцев, чувашей и иных народов.

Освоение меди, а затем и более твердого сплава с оловом — бронзы — дало «резкое увеличение производительности труда», которое «похоронило» первобытно-общинный строй. Оно же явило эксплуатацию человека человеком — классовые общества, начиная с рабовладельческого.

Иные времена — иные племена. Они оставили о себе видимую и поныне память степными курганами, в которых хоронили умерших сородичей. Особенно немало их из «эпохи железного меча».

Сарматы и скифы, хазары и половцы, печенеги, золотоордынские татаро-монголы, аланы — «все побывали тут», на донских берегах.

Кто любовался сокровищами древнего искусства в Государственном Эрмитаже в Петербурге, тот надолго запомнил серебряный сосуд из воронежских Частых Курганов с прекрасными рисунками по легенде о происхождении скифов. Младший сын старого воина Геракла — Скиф — выдерживает отцово испытание. Он натянул тетиву на лук, за что и получил право на царство.

Особенно нас интересует история предков — донских славян. О ней узнаем из археологического поиска ученых нашего времени. Установлено, что Дон и его речки-притоки осваивались славянами с третьего по одиннадцатый века новой эры. Они занимались земледелием — выращивали пшеницу, просо, чечевицу, ячмень, горох, лен — и животноводством — разводили коров, овец, коз, свиней и, конечно, лошадей. Домашний стол дополняли охотой и рыболовством. Лося, косули, кабаны, бобры, зайцы, лисы, даже белки и медведи — вот добыча тогдашних охотников. Рыбаки рыбачили и настоящую рыбу «бачылы» — видели. Удили щук средним «ростом» в 67 сантиметров против нынешних 45-ти. Лещи, сомы попадались на крючок тоже намного крупней. Ценили стерлядь, севрюгу. Кстати, крючки ковали приличные — в 8–13 сантиметров. Не забавы ради охотились и рыбачили. Промысел оставался жизненной необходимостью.

Гончары, ткачи, кожевники были в каждой семье. А вот плавил железо,

ковали серп и молот, творили ювелирные украшения мастера. Арабский путешественник засвидетельствовал, что страну славян «увидел обширную, богатую...», через которую пролегал великий торговый путь в Европу и Азию. Археологи установили, что донские славяне покинули родимые обжитые места «на бегу», бросив все тогдашнее домашнее богатство.

Древнерусское государство разгромили кочевники. Оно возродится Россией. Но это уже иная страница нашей истории.

* * *

О ней мне написал известный писатель — литературовед Вадим Кожин, собиравший в ту пору материалы для одного из главных своих трудов. Успевал, оказалось, следить за текущей литературой, издающейся в провинции. В октябре 1981 года я неожиданно получил письмо от Вадима Валериановича с благодарностью «за Вашу книгу — с большим интересом и сочувствием ее читаю». Писал он о моем воронежском сборнике прозы, в котором была опубликована и повесть о Прасолове «Перед осенними зорями». Далее он высказал «практическую благодарность»: посоветовал внимательнее изучить «только что изданную в Воронеже книгу выдающейся подвижницы археологии Анны Николаевны Москаленко «Славяне на Дону». Эта книга исследовательницы славянских древностей, ученой Воронежского государственного университета «приоткрывает тысячелетний занавес, заслонявший события одной из величайших исторических драм, пережитых русским народом, — хазарского ига и его падения (VIII–X века). При том речь идет о событиях в Ваших (и Алексея Прасолова) родных местах».

Помимо работы Москаленко, Кожин советует мне прочитать труды историков С.А. Плетневой и Л.Н. Гумилева.

«Если Вы всерьез вдумаетесь в эти работы — они поразят, даже потрясут Ваше сознание. А книга А.Н. Москаленко покажет Вам, что один из пожаров полыхал именно вокруг Россоши — в середине десятого века русские вынуждены были уйти отсюда с Дона и вернулись сюда только через несколько веков.

Задача русского писателя состоит сейчас, как мне кажется, в том, чтобы взглянуть всей силой своего духа в свое родное гнездо и прозреть в нем всю даль — и ширь, и глубь — Истории».

* * *

...История всегда живет рядом с нами. Глава села Новохарьковка Ольховатского района Сергей Сендецкий и фотожурналист районной газеты Николай Складенко спустились в меловую пещеру, а попали — в старину далекую.

— Я вроде не из робкого десятка. По крайней мере, считал себя таким, — рассказывает Складенко. — Но когда очутился в кромешной тьме, думаю, погорячился отправиться в это довольно рискованное путешествие. Узкая нора. Пробираемся ползком. Пятимся на животе. Руками отталкиваешься, а коленками — назад и вниз. Восемь метров показались мне километром, если не круче. Наконец, на трехметровой глубине вдруг стало просторнее. Фонарик осветил пещерный коридор. Тут встали на ноги. Выпрямился во весь рост, голова потолка не касается.

Перевел дух. Успокоился. Любопытство взяло верх. Да и мой спутник подбадривает голосом человека бывалого.

Расчехляю фотоаппарат...

Новохарьковка — место удивительное. О ней даже книга написана. Новохарьковка уже явила историкам немало открытий.

— Не там копаете! — то ли в шутку, то ли всерьез археологам говорили нынешние старожилы и указывали на меловые холмы, где вроде бы храм стоял. Как сказочный Китеж-град вдруг ушел он в землю. В яру под горой открылся родник с целебной водой, а монахи вырыли в самой горе пещеры. «Как в Киево-Печерской лавре».

Легенды рождались не на пустом месте.

В исчезновение церкви трудно поверить, а вот пруды в здешних местах, действительно, «высохали» на глазах в одночасье. Вода утекала в провал, как в земную дыру. Геологи объясняют это наличием пустот в меловых недрах.

И студеный ключ вновь чисто заструился. Поставили дубовый сруб криницы. А неподалеку на крутогоре просела земля и обнажился наглухо засыпанный вход в пещеру.

— В подземелье, показалось, — тепло, — вспоминает Скляренко. Показывает снятые там свои фотографии. Просторны сводчатые коридоры. В стенах вырублены ниши. Гвоздик подсказывает: висела икона. Копоть от свечи. Вроде дверной проем, а за ним — комната-келья. Рисунки на стене, выцарапаны кресты. Точнее, вырублены в мелу. Крест и восходящее солнце. Треугольники — видимо, символ православной Троицы.

Сажай увековечена дата, читается как «1844». Просматривается слово «Киев» в старом написании с твердым знаком на конце.

Пещера расходится на рукава. Есть меловые осыпи. Так что ходить в подземелье небезопасно.

Найден ли монашеский скит? Вдруг — небольшой подземный монастырь? На эти вопросы еще предстоит искать ответы. Пока же ясно одно — в ожерелье воронежских православных пещерных святынь, где есть Дивногорье, Белогорье и Костомарово, появилась еще одна бусинка.

ГОД 1993-й

России черный год.

Вынесли сор из главных столичных изб Москвы. Уже не скрывали: властная верхушка разделилась на два лагеря. В Кремле — президентская рать с Ельциным во главе. В Верховном Совете — депутатский корпус, руководимый Хасбулатовым и Руцким. Вчерашние единомышленники вдруг стали непримиримыми врагами. Как покажет время, на словах все желали «процветания» новой «демократической» России. На деле — сражались за власть собственной корысти ради. Ведь кто у государственного штурвала, тот и хозяин ведущей мировой державы с несметными богатствами в природных кладовых, тот у кормушки вместе со своей камарильей, тот мог «прихватизировать» все и вся. У всех схожие стремления: лично богатеть, богатеть и богатеть...

Хоть и давно, но и о них сказано: из грязи — да в князья!..

Стравливали умело их незваные покровители, желавшие видеть Россию «сырьевой банановой республикой». Об этом проговаривались собратья по перу писателя-классика Ельцина в его книгах: президент США Буш просил «без борьбы Гайдара и Козырева не сдавать».

Страна оказалась на краю пропасти. Впервые за послевоенное время в России стало уменьшаться население. Неукротимый рост цен заставил таки смелить «умного» Гайдара на крепкого хозяйственника Черномырдина...

Украина тоже не оставалась без закордонных опекунов. В январе ее ведомые не без их подсказки не подписали Устав Союза Независимых Государств. В марте пришлось внести первый платеж за российский газ. Верховная Рада объявила о правах Украины на ядерное оружие СССР, находящееся на ее территории.

С весны начался исход русских семей из Чеченской республики. Там разжигали костер чужеземные силы и свои предатели, готовые и дальше раскалывать Россию.

А власти боролись за власть.

На глазах всего мира — тут уж постарались американские друзья и их тележурналисты — танковыми пушками 4 октября расстреляли Дом Советов вместе с его защитниками. Это позволило Ельцину заявить, что он «покончил навсегда с советской властью».

В России, по сути, произошел государственный переворот.

На границе тучи ходят хмурые

Девяносто семь километров в Кантемировке и пять в Россосхи — такое расстояние составляет межа нашей Воронежской области с соседней Луганской. Медленно, но верно она превращалась в государственную границу России с Украиной.

Таможенный пост. Рука таможенника на пистолетной кобуре, к поясу приторочены связкой наручники. Поодаль парень в милицейской форме держит навскидку автомат...

Хоть понимаешь, что ребята выполняют служебную инструкцию, хоть в кармане у тебя лишь блокнот с авторучкой, оформлена путевка у водителя, все одно — очень неудобно чувствуешь себя при досмотре.

Наша Кантемировка уже позади, осталось через всхолмье-перевал спуститься в яр — и на пути первый украинский районный городок Марковка. Выросший в чистом поле табор нашей таможни с мощной командой плечистых парней стал уже привычен для жителей ближних сел, где уже год квартируют и кормятся наезжие десанты охранников из Воронежа. С украинской стороны за межевой лесополосой по-прежнему пустынно. Лишь уже на въезде-выезде поселковом у шлагбаума, как и раньше, дежурят милиционеры с жезлом «гаишного» инспектора.

— На Украине средств не хватает на организацию таможенной службы, — доверительно сообщил мне воронежский милицейский офицер, с кем разговорились об их житье-бытье.

— У нас-то хватает, мы очень богаты, — с грустью пошутил я, слушая бойкую речь о том, что уже объявлен набор крепких здоровых мужчин на охрану границы, что воронежские ребята довольно охотно несут вахтовое дежурство, согласны оставаться здесь, не спешат возвращаться домой. Понятное дело: в городе с хулиганьем возись, а тут — пустынная сельская дорога. Солдат спит, а служба идет. Как мне, так и моему собеседнику хорошо известно, что тот, кто вывозит контрабандой ворованный товар, не полезет на рожон, с асфальта свернет на полевой проселок погожим днем. А когда и там встанет милиционер или пограничник (в Кантемировку уже приезжали на смотрины офицеры пограничных войск), то позаботится прежде о том, чтобы занять требуемый документ. Вывезет груз хоть машиной, хоть эшелоном. Сейчас же на проселках останавливают для отчетной галочки чаще Ивана с хутора. Он-то по простоте душевной вздумал напрямки проехать со свежим салом и торбой картошки к сыну в Донбасс, какой стал вдруг в одночасье хоть и ближним, но зарубежьем.

— Нужна лицензия на вывоз продукта, — толкует ему таможенный.

— А где я ее возьму? Картошка с огорода, кабачки сам растил! — горячится Ваня.

В другой раз он будет умнее, от греха подальше свернет на волчью тропу.

Совсем недавно клялись в нерушимой дружбе единокровных славянских народов. Впрочем, она ведь была и будет таковой. Но — на полувековой юбилей в память об освобождении Кантемировка от фашистских захватчиков впервые за многие годы не позвали соседей. Схоже, видимо, поступят и в Марковке.

В прогаре хлебобоб по обе стороны межи. На воронежском поле утвердили себя донецкие сорта ячменя и пшеницы. В Луганске нахваливают наши подсолнечник и сахарную свеклу. Сейчас же обмен семенами труден.

По причине недопоставок металла из Запорожья стоит в Митрофановке конвейер небольшого, но важного завода, он ведь заваливал транспортерами животноводческие фермы Украины. В прогаре и рабочий.

Это факты местного масштаба. Но и они ратуют против устроения границы, какая здесь никогда таковой не являлась, даже во тьме веков.

* * *

Мои попутчики ехали мариупольским поездом в наши воронежские края. Дорога располагает к знакомству. Сразу разговорились. У меня допытывались: сколько им оставалось ехать из Россоши в Лиски, холодная ли зима, как с продуктами в магазинах? Мужчина лет сорока оказался родом из Бобровского района.

— Черт смалил меня обжить в Донбассе! — корил он себя за то, что прошлой весной поспешил взять в селе Хреновом дом и не перебрался туда на жительство.

— Купить ведь никогда не поздно, — попытался его успокоить.

— Так там меня и ждут. Теперь таких охочих на жилье хватает. Цены той хате не сложат. А кому мои карбованцы нужны?

Собеседник — мужчина в силе, к тому же строитель-монтажник. Такого ведь не испугаешь только тем, что килограмм сливочного масла вдруг стал стоить полторы тысячи купонов и полтысячи — десяток яиц. Пусть за ними и очередь. Путчик соглашается, что резкое повышение цен на продукты еще не повод для переезда. Но просит выслушать другого соседа, тоже молодежавшего человека, какой молчаливо поглядывал на нас. Он, оказавшись, недавно выбрался из Абхазии, вывез свою семью из Пицунды, теперь ищет пристанища по родичам на Украине или в России.

Подробно рассказывает о том, как совсем недавно дружно жили в подъезде их многоэтажки семьи абхазцев и грузин, армян, русских, украинцев. Никогда не разделялись по национальности.

— Как это сделать? Мой отец грек, а мама украинка. Какой крови больше? — разводит руками собеседник. По профессии музыкант, работы лишился, когда закрылись дома отдыха. Теперь вот и жилой дом опустел. Точно знает, что соседи-абхазцы погибли, о судьбе других не ведает.

На его родине война.

Мне пришлось гостить в Гантиади, совсем рядом.

— Вокзал и жилые дома поблизости разрушены, — обрисовал картину поселка у моря.

Там, под сенью орехового дерева, и жили мои знакомые. Не веришь в то, что услышал, в памяти ведь иное: уютный двор, обвитый виноградной лозой, а вдаль — «парус одинокий в тумане моря голубом».

Войну начали не из-за национальных распрей, убежден собеседник, затеяли ее те, кто боролся за власть, а дальше случился раскол меж абхазцами и грузинами.

Конца-краю этой кровавой бойне теперь не видно, теперь слишком многим «война — мать родна».

— Так что, украинцев и русских можно схоже столкнуть друг с другом? — спросил я у жителя Донбасса. В ответ он только пожал плечами: угадаешь ли в наше мутное время?

В Лисках попутчики оставили вагон: дальше пересаживались на электричку. Сутулясь, пряча головы в куче воротники — морозец сразу хватал за уши, — они уходили по перрону. Как не вспомнить стихи из школьной хрестоматии:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый...

* * *

Позвонил друг детства. Живет он в украинской глубинке, в Россию вырвался к маме на побывку. Иду в гости, с порога пошутил: как, мол, живется в независимой — колбасу салом закусываете? Друг посмеялся:

— Салом зять здесь угощает. Только вот думаю, как с гостинцами через границу перебраться. Мама печалится, что я худой, так ведь выгодно — привяжу кусок сала к животу...

А дальше веселым разговор не выходил. Откровения слушал тяжкие.

— Ты же знаешь, как я любил украинскую песню, речь. Страшно признаваться самому себе — начинаю все это ненавидеть. С утра до ночи вдальбливается людям по радио, телевизору — во всех бедах на Украине повинны москали...

Друг привез мне «Историю Украины». Теперь читаю: Киев в древней Украине (Русь не упоминается) объявлен матерью городов украинских, а князь Владимир — «ясным солнышком» Украины. Утверждается, что — пересказываю дословно — «неправду говорят москали: будто мы и они — одно. Тот народ нам не родной, даже — чужой, хоть имеет в себе много украинской крови...»

И так далее, и тому подобное...

Все эти исторические изыскания кажутся наивными, даже смешными. Да ведь адресована книга — «дитятам школьного вику» — детскому возрасту.

Справедливости ради надо сказать, что черных гробокопателей в отечественной истории немало объявилось и у нас в России. Партизанка Зоя Космодемьянская, боец Александр Матросов, маршал Жуков никакие не герои, зато в чести у них иуда генерал Власов.

Зоя Горенко (Иркутск)

ЧТО ДАЛЬШЕ, БРАТЯ-СЛАВЯНЕ?

Я снова видела Богдана
При булаве и на коне.
— Скажи, — спросил он, — что славяне?
— О, батьку, батьку,
Страшно мне.
Сыны твоей козацкой славы
Теперь живут не то, что встарь —
Своя у каждого держава,
Свой храм, и поп, и пономарь.
Да только дивно — всеми правит
Не хан, не лях — заморский царь.

Из-за морей, из-за горы
Он шлет указы и дары.
Встречая нового Батыя,
Кричим заздравные слова,
Ликуют самостийный Киев
И самостийная Москва.
Где шла небесная царица,
Благословляя Русский Дом,
Мы строим новые границы,
Гордясь земным своим умом.
В своем кичливом окаянстве
Друг друга дергая за ус,
Экономическим пространством
Мы нарекли Святую Русь.
И по пространству — боком, скоком,
С переворотом, брейком, роком.
Под руку с бесом и прогрессом,
Торгуя золотом, и лесом,
И всем и вся.
С новейшей одой
Своей зачумленной свободе!
Средь этой пляски оголтелой
Чуть слышен шепот:
«Что творим? —
Ведь мы сейчас не землю делим,
А тело Господа кроим».
...И поднималась тень Богдана
Над Росью, Доном и Днепром:
— Очнитесь, бедные славяне,
Вернитесь, братья, в отчий дом.

ПОЛЕ СЛОБОДСКОЕ, ПОЛЕ ПАМЯТИ

Пытаясь хоть как-то противостоять «дележу» единого духовного и культурного пространства, с осени 1992 года я стал выпускать в ольховатской районной газете «Вестник» специальные тематические страницы «Поле слободское».

Позже «газету в газете» приветили в районных изданиях соседней Росоши, Кантемировка.

А в 2006 году, 2008-м и далее появится книжный альманах «Слобожанская тетрадь».

В слове к читателю подчеркивалось: эти издания — не только литературные, историко-краеведческие. Родились они в ответ на учреждение государственных границ меж Россией и Украиной. По живому ведь был разрезан некогда единый край. Раны незаживающие кровоточат. Если суждено их исцелить, то лишь общими усилиями — народа и власти. Речь идет не об отмене независимости-незалежности. Речь о нормальном человеческом общении. Как в той же Европе: проехал, скажем, из Германии во Францию и не заметил, где граница. Мы же разом оборвали экономические, социальные, культурные связи. Зачем же нам повторять пройденное нашими пращурами в пору Древней Руси? Ведь даже в семье отчуждение укорачивает людям век. Разрушает оно и соседние государства. Сколько таких примеров в истории: двое дерутся, а третий потирает руки.

Не лучше ли нам, братья, в русско-украинском пограничье вспомнить былое? Для того и приглашаем читателя в путешествия по родимому краю — во времени и пространстве. Приглашаем, как говорили в старину, поднять память о лучших людях, тем самым поселять в гражданах любовь к родине. Кто спорит: любопытно знать, как живут люди за тридевять земель, в тридесятом царстве-государстве. Но куда нужнее, а сейчас особенно, услышать и понять соседа — по городскому дому или селу, за межой районной, областной, даже пограничной, поскольку она теперь — за полевой лесопосадкой. Ведь все мы — земляки. У нас богатая единая история, «какой нам Бог ее дал». У нас одно поле, которое было заселено слободами и которое называли «слободским». У нас единая на всех славянская земля. Она даровала нам жизнь и пусть дает ее нашим потомкам из века в век. Чтобы нашему роду не было переводу...

Как бы там ни было, но наши «уездные» публикации печатались и читались в Воронеже и Москве, в Луганске и Киеве...

В ту начальную пору на московских газетных развалах мне попала в руки газета «Литературный Иркутск» с рассказом об истории славян уважаемого и любимого мною ученого-слависта Олега Николаевича Трубачева. Догадываясь о занятости академика, решил не отрывать его от более важных дел. Сам разделил материал на короткие главки, озаглавил их и открыл просветительский раздел «Славянская академия» в своем «Поле». Печатал заметки из выпуска в выпуск.

СЛАВЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ

У истоков Великороссии

Наша нынешняя культура — лишь маленький отрезок, эпизод продолжительной и непрерывной — в серьезнейшем смысле этого слова — культурной эволюции. Убедить нас повернуться к ней спиной, вообще попать или, скажем, вдруг начать датировать ее с октября или, чего доброго, с августа — никто не вправе.

Удивительные ухищрения можно наблюдать на примере названия *Великороссия*. Давно ли уважаемый читатель встречал его в последний раз в прессе, в политической литературе? В том-то и дело, что и припомнить трудно, а умолчание — метод испытанный. Сначала — посеять подозрение, что *Великороссия* — термин шовинистический, великодержавный, а потому — «не наш», затем постараться спустить эту установку в школьные учебники истории — и дело сделано, еще одной печатью припечатано наше самосознание, получен еще один суррогат вместо подлинного знания.

А пытливый взгляд честного историка языка и этноса видит другое: такие названия, как *Велико-россия*, *Велико-британия*, никакого самовеличания перед другими странами, другими народами, как это многим до сих пор мнится, не выражают. Их подлинный, изначальный смысл делается понятным из окружающего контекста, потому что названия эти возникли как ориентационные, они как бы знаменуют область вторичной колонизации и ее отношение к области исходной.

Так, Великобритания (раз уж мы ее упомянули) образует в указанном смысле пару с Бретанью, исходной областью на материке; древнейшая колонизация острова шла оттуда.

И таких примеров довольно много в древней истории разных стран и народов; жаль, что почти все они оказались принесены в жертву политическим спекуляциям и кривотолкам. Проистекающие отсюда искривления национального самосознания и раздор между близкими нациями делают понятным, насколько все это небезобидно.

А в сущности тут все довольно просто: и античная Великая Греция — это вто-

ричные поселения греков в Южной Италии, и Великая Моравия времен наших первоучителей — св. Кирилла и Мефодия — это область к югу от той Моравии, что в теперешней Чехии. Иногда старая, исходная область начинает в итоге называться «Малая», «Мало-», что также не следует понимать буквально или оценочно. Например, в составе польских земель Малопольша зовется именно так по той причине, что славяне, предки поляков, освоили ее раньше, чем Великопольшу, расположенную дальше на север.

Знать эти примеры необходимо и нам, если мы хотим правильно понимать самих себя, живущих в Великороссии, для которой — для Руси Великой — Русь Малая, Малороссия всегда имела смысл Руси изначальной.

Как утверждал Нестор-летописец

Сейчас время всевозможных опросов населения, а я рискну тут предпринять данные опроса, который никем не проводился.

Боюсь, что, вздумай кто опросить достаточно большое число русских людей села или людей «у станка» (интеллектуальные слои оставим в стороне), задав им один-единственный вопрос: осознают ли они себя славянами? — уверенных ответов практически не будет. Вероятно, вопрос вообще останется непонятым.

А было так не всегда. То, что мы можем наблюдать сейчас, есть определенная деградация самосознания. Возможно, началась она давно, но довершали, «добивали» ее уже на памяти последних поколений. Люди, чья духовная зрелость пришла на 1930-е гг., хорошо помнят и свидетельствуют, что слово «славянский» в их представлении было синонимом чего-то реакционного и консервативного.

Юмористы и те приложили свою руку («славянский шкаф», «гей, славяне» — очень смешно...).

Война приостановила эту свистопляску, но ущерб оказался, похоже, непоправимым. А, между прочим, имя *славяне* представляет собой замечательный культурно-исторический феномен...

Дело в том, что с достаточно раннего времени это имя охватывало всех славян, независимо от их принадлежности к тому или другому славянскому племени или народу. Наличие такого единого самоназвания лучше самых изощренных тестов говорит о существовании единого этнического самосознания, сознания принадлежности к единому славянству.

Дальнейшие сравнения лишь подчеркивают замечательность этого феномена, ибо оказывается, что ничего подобного мы не найдем у древних германцев и древних балтов: и у одних, и у других представлены свои группы названий отдельных племен, а общий этноним отсутствовал (привычные нынешние обозначения «германцы», «балты» введены поздно, в научной литературе, ни германцам, ни балтам в древности они известны не были...)

А ведь во времена Кирилла и Мефодия (IX в.) тогдашний болгарин, по дошедшим до нас сведениям, сознавал еще себя и славянином, а наш преподобный Нестор-летописец уверенно утверждал, что славянский язык и русский одно есть.

Словом, тогда это было живое, народное самосознание, и наш, пусть запоздалый, долг — разъяснить и как-то возмещать последующее оскудение и забвение.

Ясно говорящие

Но у нашей науки, кроме горестной констатации утрат, останется еще немало неиспользованных возможностей, в частности — восстановить забытую историю того, как сложилось имя *славяне*, какие понятия и представления этому сложению сопутствовали и предшествовали.

При этом, отбросив маловероятные толкования имени славян («жители по реке Слова», «жители влажных долин...»), высказанные уже современными нам учеными, мы оказываемся вправе завязать плодотворную перекличку с ученым-славистом еще первой половины прошлого века Шафариком. С большой долей вероятности он уже тогда связал имя *славяне* (*словање*) и *слово*. Сейчас мы можем уточнить, подключив сюда и глагол *слыть*, древнее *слути*, *слово*, собственно «слышаться, быть понятным, говорить понятно». Раскрывается древний смысл имени *славяне* — «ясно, понятно говорящие» (антоним: немцы, собственно «немые, невнятно бормочущие», — обычный для древности принцип обозначения иноязычных инноплеменников). Но «понятно говорящие» — это, в сущности, «свои», «наши», и эта констатация как бы подсказывает нам, что мы в состоянии частично отдернуть пелену, скрывающую от нас древний менталитет наших предков.

Их имя — *славяне* — появилось, как мы думаем, на исходе античности, целиком неся на себе признаки древнеплеменного общества. Не преуменьшая значения межплеменных общений и древних торговых путей, все же признаем, что кругозор древнего этноса был довольно узким, обходились простейшей самоидентификацией «мы», «свои», «наши» и в сущности еще не прибегали к особому обозначению собственного этноса.

Даже когда такое самоназвание появилось, оно все еще носило отпечаток описанного архаического образа мыслей, как мы это наблюдали на примере этимологии: *славяне* — «ясно говорящие».

Да, такой первобытный порог в древней истории славянского племенного общества наблюдается, можно сказать, он доступен нашему современному научному пониманию, — когда же сами славяне, естественно, существовали, причем — на своих древнейших местах обитания, о которых — ниже, а обобщающего самоназвания у них еще не было.

Где «прародина славян»?

Ранние античные источники, действительно, ничего не говорят о славянах. Само имя *славяне* (другие их пограничные имена: *венеды*, *анты* — для краткости здесь опускаем, да и к славянам они применимы были вторично) достоверно упоминается в VI в. н.э.

Конечно, любители прямолинейных заключений делали из одного этого раннего упоминания вывод, что славян до того в Европе, в поле зрения тогдашнего греко-римского культурного мира попросту не было...

Понятно, что в первой половине XIX в. к науке охотно примешивали политику. Впрочем, сейчас на это можно взглянуть как на научный миф, одно из великих заблуждений.

Славяне издавна жили в самом сердце Европы; это к северу от Карпат, в польские земли они вступили позже, вторично и их великое расселение на Восток, в Поднепровье и по всей Русской равнине.

Предания о древнем житье на Дунае хранит начальная русская летопись, хроники других славянских стран говорят о том же. Великий сын словацкого народа Павел Иосифович Шафарик, а еще раньше знаменитый словенец Ерней Копитар попытались сделать эти воззрения достоянием молодой славистической науки. В их наблюдениях много верного. В своих «Патриотических фантазиях славянина» (1810 г.) Копитар прямо указывает место «ниже Вены, на Дунае, в Паннонии...», где словаки и словенцы, точнее сказать, их предки «подают друг другу руки».

В самом деле, и разрушительное венгерское вторжение более тысячи лет назад не стерло того факта, что и ныне по-прежнему с двух сторон к Венгрии примыка-

ют два народа, до сих пор носящие славянское имя, а сама Венгерская низменность и сейчас покрыта названиями мест и рек славянского происхождения.

Имя реки Дунай — не редкость в народных песнях восточных славян; ясно, что они принесли с собой с Дуная эту неизгладимую память о нем. Народная память о Дунае для внимательного глаза есть тоже элемент нашего (уже полузабытого) самосознания.

Вторичность распространения славян на прочих обширных пространствах (на юге — до самой оконечности Балканского полуострова, уже на глазах раннесредневековой письменной истории) вряд ли может вызывать теперь сомнения.

История начиналась на юге

Отстаивать свою концепцию дунайской прародины славян оказалось трудным делом. К тому же, по принципиальным идеям первых славистов с той поры уже многократно прокатился вал... в европейской науке, и к началу XX в. провидения Копитара и Шафарика, казалось, навсегда были сметены в корзинку «донаучных теорий»... На веру принималось только молчание древних авторов о славянах или первые полупрезрительные обмолвки о них у византийских стратегов и историографов.

В Древней Европе к югу от Карпат фактически не осталось для славян места. Ученые немецкой школы дисциплинированно принялись подыскивать место славянам в болотах Припяти. Время совпало с расцветом польских теорий славянского автохтонизма на Висле и Одере. Сейчас эти теории терпят кризис...

Прав был историк, сказавший, что история начиналась на юге. Она и для славян начиналась южнее и много древнее, чем привыкли обычно думать.

...Если исходить не из эмоций, а из фактов, нельзя пасовать перед этим заполнившим нашу научную жизнь эпигонством идей. Это уязвимо этически, да, в конце концов, и неинтересно в научном отношении: сколько можно ходить зажмурившись мимо ярких, красноречивых фактов истории языка и культуры!

Взять хотя бы один такой игнорируемый факт, что общим культурным переживанием глубокой древности оказывается лексика примитивного культа предков, неожиданно объединяющая древнейших славян и древнейших латинян (народные русские, украинские, белорусские названия призраков и духов умершей родни *мана*, *ман*, *манья* и лагинское «*манэс*» — «духи предков»). Эта культурная общность уходит в те далекие тысячелетия, когда у наших предков и в мыслях не могло быть ничего похожего на верховного бога Юпитера с его многочисленным блудливым семейством, и совсем другие, архаичные представления о земле и небе владели душами людей. Я лишен возможности развертывать здесь дальнейшие факты и аргументы моей любимой науки — сравнительного языкознания, — но именно оно позволяет через реликты языка и мышления — заглянуть в умы и души древних людей тех отдаленнейших эпох, когда пасует порой почтенная археология, а письменность еще и не зарождалась.

Истина познается в споре

...Прекрасный осенний Гейдельберг. Туман то окутает руины замка на горе, то растает.

В уютном особняке международных научных форумов Гейдельбергского университета идет симпозиум.

После одного доклада разгорелась дискуссия. Щеголеватый, моложавый и стройный профессор из Бонна убедительно рассуждает: «Славяне научились выражать чувство благодарности только с принятием христианства, как о том сви-

детельствует их лексика — *спаси-бо(г)*, *благо-дарю* (буквально перевод с греческого зу-ха-ристо) и другие...».

Сижу, думаю: верно вроде рассуждает немец, правда, чуточку с апломбом, слишком уверен, нету доли сомнения, без которой — нет живой науки.

Случись тут один из наших светлых умов, не сморгнув глазом все бы принял на вооружение. И все же, все же, все же...

В перерыве для питья кофию (ах, что за организация, что за порядок и довольство вокруг) все же подхожу к нему: коллега, я думаю, что вы излишне прямолинейны, когда отказываете праславянам в чувстве благодарности и умении его выразить языком; они располагали такой возможностью...

— Откуда вы это знаете? (говорит, между прочим, на отличном русском языке).

Я ему в ответ: у меня есть дома кошка и собака, и им известно чувство благодарности. Справедливо ли отказывать в нем праславянам? Но это, так сказать, общий взгляд, типология, я понимаю. Я согласен далее с вами, что общая часть терминов, выражающих благодарность, пришла в их язык позже и извне. Но я думаю, что многозначность их древней лексики позволяла славянам выразить необходимые чувства и до этого. Возьмем глагол — *помнить* (*помнить зло, помнить добро*), обороты типа народного «*мы помним твою доброту, батюшка...*» Вот вам и извечная, своя славянская формула благодарности.

Возражения не последовало, хотя мой коллега — не из тех, кто уклоняется от споров. Но — не возрази я, не направь его дисциплинированную немецкую мысль в более гибкое русло, так и пребывал бы в сознании своей полной правоты в суждениях о бедных древних славянах. Европой воево по-прежнему владеет научный позитивизм и снобизм: все-то они знают и понимают о нас самих лучше нашего...

Олег ТРУБАЧЕВ, академик.

...Земляк, проживающий в Москве, пакет газет с этими несолидно маленькими для академика заметками, да еще в каких-то районках, да еще напечатанных без спроса, по моей просьбе занес Олегу Николаевичу. Передал из рук в руки. Трубачев полистал, хмыкнул ворчливо и — улыбнулся. Достал с полки свою новую книгу «В поисках единства», начертал теплую надпись и вручил гостю для меня.

Сегодня **заветным словом** востребованно звучат мысли всемирно уважаемого академика Российской академии наук, автора 30-томного словаря истории славянских слов, известного нам своими идеями Русского языкового союза и Русской энциклопедии, посвятившего всю жизнь доказательству европейского статуса славянского мира, основой которого является Русский мир, Олега Николаевича Трубачева: «...Мы бездумно развалили свой великий «экос» — дом (во всяком случае, нам кажется, по распадению зримых частей дома, что он разрушен окончательно). Однако незримый дух дома — русский языковой союз, не вдруг и не нами созданный, — продолжает прочно держать нас вместе, и однажды он сведет нас воедино».

ГОД 1994-й

«Как научились воровать? / Вороват все — напрапалу», — с сердечной болью и неизбывной печалью писал русский поэт Николай Тряпкин.

Дозволили красть, незабвенный Николай Иванович, с государственного верха. Я сам не поверил, пока не полистал и не прочел собственными глазами в обновленном Уголовном кодексе Российской Федерации статью «о хищении без

обогащения!» Утвердили и такое словоблудное понятие в юриспруденции. Под эту статью не попал мой знакомый колхозный шофер, какой для приехавших в гости дочерей, внуков отвезял в поле пару ведер отборных подсолнечных семечек. Вручая ему приговор об условном сроке наказания, судья вдруг сказал: «Ты в другой раз уж лучше полный кузов подсолнуха завези домой».

А руководителей местного предприятия союзного значения, которые воровали деньги чемоданами «без корысти, трудового коллектива ради», прямо в зале судебного присутствия освободили из-под стражи.

В 1994-м одураченный и уже однажды ограбленный люд давился в очередях. Все надеялись — получим от приватизационных чеков доходы, обещанные правителями деньги «на две самые дорогие автомашины “Волга”». Верили оборотистым, вкрадчивым телешептунам: я сижу, а денежки идут в мой кошелек...

Деньги, действительно, шли — на просторах, «от Москвы до самых до окраин». Но только лишь на банковские счета допущенных к дележу государственного пирога небожителей. Такого наглого грабежа Россия еще не переживала. Процесс ваучеризации катил по стране на всех парах. И управляли им жуликоватые заокеанские кукловоды, каким послушно повиновались Президент всяя Руси и его нахрапистая свита.

В России рождалась **власть немногих**. Ее означили выплывшим из истории Древнего мира словом — олигархат...

Схоже крушили советскую экономику наши братья в государствах ближнего зарубежья.

И еще. В обиженной предложом «на» Украине уже негласно от Киева до окраин промывал мозги чиновникам отдел пропаганды и агитации натовского «обкома». В кабинете «головы» районной державной администрации увидел штабеля зарубежной роскошной — глянцевой и цветистой — литературы. С разрешения хозяина полистал — в книгах, журналах, буклетах красочно и наглядно на русском языке рассказывалось о свободе и демократии, о мире и благоденствии, какие готов нести на своих современных штыках во благо всех украинцев военно-политический блок. Он, как известно, объединял большинство стран Европы, США и Канаду и создавался «для отражения советской угрозы». Восьмого февраля 1994 года Украина первой из стран СНГ (Союза Независимых Государств) стала участницей натовской программы «Партнерство ради мира».

«Я живу на границе...»

— Еду в слобидку, — сказал своим помощникам Александр Яневич, председатель сельсовета, он же и глава здешней администрации. Местному жителю тут без объяснений понятно, что направляемся из нашей воронежской Новобелой в украинскую слободу с таким же названием. Разделяют их поле, луговина да межа, какую до нынешней поры мало кто замечал.

Теперь же с нашей стороны она означена строением со знаком таможни. Служивый человек с автоматом попросил нас с полпути возвратиться домой: в спешке Александр Михайлович не прихватил нужный документ, без какого тут не проедешь.

— Думалось ли когда, что это и о нас Людмила Зыкина пела: «Я живу на границе, где суровая мгла...» — спустя время, промолчав досаду, высказался Яневич.

В соседней Новобелой оказались-таки быстро, тут рукой подать.

Страна, как на потихоньку приучают, здесь иная. Но порядки, конечно, на-

шенские. У продуктового сельмага толпились пожилые покупатели: ждали, когда подвезут хлеб. Когда подошла машина, из нутра будки шофер ловко вытащил на подносе лишь серые буханки. Все недовольно вслух заворчали. Зря надеялись, что появится на прилавке почитаемая в здешних местах пшеничная паляница.

Перед правлением колхоза стоял автобус, и в очереди к нему стояли не пенсионеры — люди помоложе, работные. Кто отоварился, выносил в руках из автобуса детские маечки-трусики. Товары, которыми совсем недавно были завалены прилавки сельмага. Теперь там шаром покати, а колхоз за продукты выменивает на базах и фабриках для своих людей барахлишко, без какого не обойтись.

И в украинском языке приживается чужеродное — бартер.

Анатолий Владимирович Мельник на прощанье подарил мне районную газету со своей статьей, в какой высказал свою точку зрения на положение дел в республике.

— Хотели стать вольными и независимыми, но такой ценой, какой цены нет...

Вспомнилась мудрая сказка о том, как старик заставил сыновей сломать веник. Удалось это, лишь когда раздергали веник по пруту.

— Вот так и нам в одиночку не выстоять на мировом рынке. Какому конкуренту, скажем, нужна Украина как житница Европы? Какой выход? Пора укоротить нам национальные амбиции. Пора идти на экономическое сближение с Россией, устанавливать общий экономический простор, а не строить препоны друг другу на кордонах.

...Но где он, Богдан Хмельницкий?

...Хмара встала з висі до пониззя,
Темна тиша встала на лиман.
Де ж ти в трящі,
Хмелю, забарився, —
Богом нам дарований Богдан?

По ту сторону

Все осязатимей превращается в государственную границу недавняя межевая полоса, разделяющая Россию и Украину на пути из воронежской Кантемировка в луганскую Марковку. С нашей стороны уже вырос таможенный хуторок — жилые вагончики, крытый навес над смотровой придорожной площадкой, шлагбаум, на посту — brave молодые при оружии. У соседей, напротив, только выглажено бульдозерами место новостройки, а сама таможня находится подальше, на въезде в райцентровский поселок.

Прежние областные знаки еще не убраны, но закрасили — подальше с глаз и из сердца вон? — лозунги о вечной и нерушимой дружбе народов-братьев.

Граница режется по живому месту. Ее тут не было отродясь, окрестное население жило в кровном родстве. А в недоброе беловежское одночасье родичи оказались друг другу иностранцами.

Каково им теперь?

— Вроде как жили, так и живем, — отвечает тракторист Виктор Бурлаков.

— Уже не так, — возражает ему сосед по обеденному столу Николай Коваль.

Разговариваем с жителями российского хутора Хрещатого на полевом стане. Бурлаков не спорит с Ковалем, признается, что в Марковку он давно не ездил — с той поры, когда в тамошних магазинах продавцы затребовали свои карбованцы. А вот у Ковалья отец и вся родня за кордоном: родом Николай из украинского села Просяного.

— Гостинец везу — на таможне требуют справку, — говорит Коваль.

Для пуцей наглядности мужики свежим анекдотом описывают схожую ситуацию:

— Таможенник у Мыколы допытывается: «Наркотик везешь?»

— Везу, — Николай с готовностью развязывает торбу с салом.

— А где же наркотик? — удивляется служивый.

— Я как съем кусок сала, так сразу балдею, — простодушно сознается Николай.

Посмеялись. А всерьез мои собеседники прикинули, что жизнь на границе для них осложняется. В Марковке прекрасная мельница-вальцовка, а в Белолуцке — маслобойка. Как встарь, пшеницу, подсолнух туда уже не повезешь. Кирпич, облицовочную плитку покупали опять же там.

— Пока хоть полевые дороги не заросли, а когда колючую проволоку по меже протянут, сторожевых собак пустят, каково будет? — вслух прикидывают мужики. Они не сомневаются — пограничная полоса появится скоро. Охочих стоять в охране, выдавать пропуск за чиновным столом найдется немало. Это ведь не в поле пахать. В борзду становиться мало желающих.

— Чего наши правители прямо и честно не скажут, что хотят с нами сделать? — спрашивает у самого себя бригадир Сергиенко. Услышав, что мы собираемся побывать в ближнем зарубежье — на ближайшем украинском хуторке, — Егор Егорович на прощанье наказывает передать привет другу — Ивану Максимовичу.

Езды тут в уже знакомое мне Лимарево пять минут, недолго продержали на таможене. Повезло — не пришлось разыскивать бригадира Межинского.

— А я под вечер собираюсь в Хрещатый к Егору Егорычу, — сообщил Иван Максимович. — Трактор обломался, должны же братья запчастями поделиться.

На украинской стороне — те же печали.

— Озимые хлеба подмерзли, пришлось подсеять яровыми. Удобрением удалось разжиться. Мясом рассчитались с химиками. Телок прирезали племенных. Зарплату в колхозе платить нечем. Где в семьях есть пенсионеры — перебиваются, гроши пока приносит старикам почтальон. А вот молодым ума не приложу, как помочь. Есть семья — доярка, тракторист и трое деток, одежду-обувку не могут купить...

Межинский — местный, сын погибшего фронтовика. Давно за хозяина на хуторе. Ухожена асфальтовая улочка. На чистом подворье у каждого водопровод и газ. Выращиваемый здесь марковский лук известен и особо ценим огородниками и поварами. Луком, подсолнечником, молоком до недавней поры богател колхоз.

— Теперь все на глазах рушится, не дали нам пожить, — сокрушается Иван Максимович и задается безответным вопросом:

— Куда же нас ведут?..

Было так до недавних, еще не забытых пор. Нынче же таможенный жезл оставил на русско-украинской меже как покупателя, так и продавца. Но когда слушаешь «человека на часах», то враз мельчают какие-то частнособственнические интересы. У служивого речь ведь о защите государственной экономики: предотвращен вывоз сырьевых материалов, а то и сбыт наркотиков, оружия. Сим можно оправдаться перед крестьянкой. Если бы любой и каждый не ведал, что умный в гору не ходит... У кого в руках сила и власть, тот из пока вроде бы вовсе не богатой рудными залежами Россоши эшелонами вывозит чугунные отливки. Житель ольховатской Шапошниковки, перебравшийся сюда из Средней Азии, довольно успешно торгует с заграницей никогда не добывавшейся здесь чистой медью. Редкостный кобальт беспрепятственно уплыл за кордон из склада Россошанского электроаппаратного завода.

По распродаже некогда народного добра оптом и в розницу не уступают и братья из «незалежной». На толкучках воронежских райцентров — широчайший выбор украинских товаров. Оно и понятно: рубль не чета гривне. Дело порой до анекдотов доходит. Чиновный люд в многоэтажке росошанской администрации сбегался в очередь за дешевой колбасой. И лишь потом выяснили, что продуктом сомнительного качества делились ближние «иностранцы», а товар завезли без соответствующих документов.

Торгашеская знать всюду на выдумку еще как хитра.

— Границы-то пока прозрачны, — убеждает постовой, защищая свою приличную зарплату, казенный одежный и кормовой кошт.

А что? Пропащем контрольный полюс, натянем колючую проволоку и пустим от столба к столбу пограничника — нового Карацупу с овчаркой. Берлинскую стену порушили, зато собственную возведем. Умения нам не занимать.

ГОД 1995-й

В новой России продолжался грабег народного хозяйства, планово уничтожалось большинство предприятий. По замыслу властелинов мира сего, в интересах «золотого миллиарда» счастливчиков страна медленно, но верно превращалась в огромные скважины — нефтяную да газовую, угольную и иные шахты да лесоразработки с ограниченным числом обслуживающего туземного населения. Богатая природными кладовыми Российская Федерация на глазах становилась управляемой Западом сырьевой колонией.

Это не придумка обиженного туземца. Зарубежные и отечественные средства массовой информации утверждают, что тогдашняя управительница Англии, «железная леди» Маргарет Тэтчер еще во времена Советского Союза заявила, что в экономике нашей страны эффективна лишь малая ее часть, в которой трудится всего 15 миллионов человек. Понимай как хочешь. Но, по сути, политиком заявлено, что на шестой части земли «с названием кратким “Русь”» экономически оправданно именно такое по численности население. Наш народ и наш жизненный лад были несовместимы с укладом международного капиталистического рынка. Транснациональные корпорации с уничтожением СССР уже начали радостно править миром, устанавливая и в России свой «новый порядок».

Чьи вы, хлопцы, будете?

Когда меня спрашивают о национальной принадлежности, то не мудрствуя лукаво отвечаю:

— Славянин.

Настырней начинают допытываться — честно скажу, обижаюсь и потому теряюсь, что говорить.

Моя фамилия в ряду стародавних. В известных пока мне документах она часто встречается в истории Запорожской Сечи.

Был там, скажем, атаман Яков Чалый. Когда после первой неудачи молодой царь Петр Алексеевич объявил второй приступ на взятие Азова, то призвал малороссийских и запорожских козаков к походу на басурман. Гетман Мазепа, желая угодить царю, взялся за постройку судов. Но то дело долгое. Кошевой же атаман Иван Гусак отпустил в море ватажного атамана Чалого с пятьюдесятью отборными козаками. Выплыло их же числом пятьсот. Разгуливая по волнам на своих лодках-чайках, сечевики напали на турецкие суда, «сцепились с теми судами в абордаж, взяли 8 судов, шедших с хлебным запасом в Очаков, и 9 с разными това-

рами, многих турок отдали морским волнам, многих забрали в плен и привели в Запорожскую Сечь».

Следующий поход ватажного атамана Чалого оказался менее удачным. Оставив лодки-чайки у крымских берегов, козаки сделали набеги на вежи оседлых татар, с пленниками поплыли назад к днепровскому лиману. Но у Очакова путь им перекрыли басурмане. Два дня козаки отбивались от них, а затем пешком попытались уйти лесом по левому берегу Днепра. Но на суше их круто взяли в оборот. Крымский хан с одной стороны и янычары с другой, «обточивши их дробною, огнистою и ароматною стрельбой», беспощадно разили со всех сторон. Козаки, по рассказу уцелевшего участника боя, мужественно защищались в течение всего августа 27 дня. Чалый, убивший двух турок, «зараньше» предсказал сам себе смерть от врагов. И действительно — он был убит.

Не без помощи козаков (отвлекли на себя ведь немалые силы басурман) взят был Азов. А в народных преданиях осталось: «Був у запорижцив ще ватажний атаман Чалый, добрый воин був».

Другому, кажется, полковнику Чалому из той же козачьей Сечи повезло остаться в памяти людской дольше и звучней. Его судьба запечатлена в народной песне, а драма Николая Ивановича Костомарова «Сава Чалый» стала поистине классикой в украинском театре и, как недавно известил знакомый киевлянин, «собирает и сегодня на спектакли многих зрителей».

Для книги «Кому память, кому слава...» о судьбе воронежского села в годы Великой Отечественной войны мы с дочерью Татьяной разыскали близких родственников-фронтовиков. О некоторых из них, к стыду своему, не знали. Так революции в двадцатом веке разбросали большую семью по городам и весям страны.

Чалый Семен Климентьевич — 1892 г.р. Уроженец слободы Дерезоватая. Рядовой 3-го батальона, 335-го полка, 58-й стрелковой дивизии. Убит при бомбежке эшелона на станции Дарница, ныне район Киева. Похоронен в братской могиле с северной стороны железной дороги между станцией Дарница и поселком Новая Дарница. Жена, Прасковья Ильинична, проживала в Лискинском районе Воронежской области.

Чалый Трофим Геронович — 1920 г.р. Уроженец села Первомайск. Призван в 1941-м Маяк-Салынский райвоенкоматом Крымской АССР. Признан пропавшим без вести в ноябре 1943 года. Мать, Евдокия Семеновна, проживала в станице Вышестеблиевской Темрюкского района Краснодарского края.

Чалый Алексей Васильевич (12 февраля 1899 г. — 2 апреля 1969 г.). Уроженец села Первомайск. Призван Чертковским райвоенкоматом Ростовской области 15 ноября 1941 г. Был ранен. Старший сержант, стрелок 116-й отдельной роты охраны Полевого управления 28-й армии. Награжден медалями «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги». Из документа: «За время службы в роте с 14 ноября 1943 года показал себя одним из лучших бойцов. Ему поручено охранять особо важный объект. Не допускал малодушия. В условиях нахождения армии на территории Германии в 1945 году исключительно бдительно, с полной ответственностью выполняет точно по уставу. Командир роты капитан Мурзин. 19 мая 1945 года». После войны работал главным бухгалтером росошанской автоколонны 1501.

Чалый Борис Андреевич (1902 г. — декабрь 1948 г.). Уроженец села Первомайск. Коммунист. Избирался председателем сельского Совета. В 1931 — 1939 годах служил в Красной Армии. Офицер. Избирался председателем Новохоперского райисполкома Воронежской области. На фронт призван в августе 1941 г. Извещение о его гибели семья получила в 1942 году. Но он попал в плен. После освобождения в 1945 г. и проверок демобилизован в марте 1946 года. Умер в Новохоперске от туберкулеза.

Чалый Василий Петрович (1916–1979, город Гусь-Хрустальный Владимирской области). Уроженец села Первомайск. Призван Центральным райвоенкоматом города Воронеж 27 июня 1941 г. Рядовой, стрелок 622-го стрелкового полка, Юго-Западный фронт. Тяжело ранен в районе Шахово Курской области. Инвалид 3 группы. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Работал в Челябинске на оборонном заводе. На пенсии жил в городе Гусь-Хрустальном Владимирской области.

Чалый Дмитрий Петрович (1912 г. — 29 мая 1983 г.). Призван Новокалитвинским райвоенкоматом 27 июня 1941 г. Рядовой, стрелок в 20-й армии. В составе войск Западного фронта со 2 июля вел оборонительные бои в Белоруссии, участвовал в Смоленском сражении, сдерживал продвижение противника на смоленско-московском направлении. К 20 июля 20-я, а еще 16-я и 19-я армии оказались в оперативном окружении. В августе попал в плен. Тогда же бежал с товарищами по несчастью. Фашисты поймали с собаками, чуть не затравили до смерти. Находился в концлагерях — в Орше, Лиде, Бресте, Бреслау, в Нюрнбергском лагере № 68. Дмитрия Петровича освободили американцы. Передали нашим. Проверку — фильтрацию — он проходил в мае 1945 года. На дознании случилось так, что об одном и том же побеге из лагеря в Орше рассказывали следователям Чалый и его союзник по 1941-му году, не зная, что и сейчас они находятся рядом. После служил в 122-м полку 98-й стрелковой дивизии в Будапеште. Демобилизован 31 октября 1945 года. Работал в колхозе в Первомайске бригадиром полеводческой бригады, плотником и слесарем. Это наш отец и дедушка. Оставшись в раннем детстве круглым сиротой, он мало что знал о родичах...

Кстати, в Запорожскую Сечь принимали при таких условиях: быть вольным и неженатым человеком, говорить южнорусскою речью, присягнуть на верность русскому царю, исповедовать православную веру и якобы даже переплыть все пороги против течения Днепра. Принятый в козаки тут же менял свою родовую фамилию на какое-нибудь новое прозвище, часто весьма метко характеризующее его с внешней или внутренней стороны.

А еще родовое мое имя отмечено в словаре «Русских фамилий», составленном Юрием Федосюком. Пояснение кратко: Чалов, Чалый — масть лошадей: серая с примесью другой шерсти. Как могло это слово стать прозвищем человека? Ответ подсказан Владимиром Ивановичем Далем: чалая голова — гнедая, коричневого окраса разных оттенков с сединой.

И уж если говорить о кровно близких мне по родству людям, то у части из них фамилия звучит несколько иначе — Чалых. Живут они, их дети и внуки на севере — в Архангельске и Твери. Считают себя, как и я, конечно, коренными русичами.

Любопытно: когда я стал учиться на филологическом факультете в Воронеже, изучал науку о диалектах, где требовалось по говору-произношению определять, из каких мест человек родом, меня почему-то всегда зачисляли в архангельские-вологодские. Хотя, к сожалению, на родину любимых мною писателей и поэтов Федора Абрамова и Александра Яшина, Василия Белова и Николая Рубцова никак не могу выбраться: давняя мечта остается таковой.

Родом же из степной южнорусской слободы, которая до советских лет именовалась Дерезоватой (по колючему кустарнику, из какого веники вяжут; дерезы пруд пруди в здешних логах). Теперь слобода известна как село Первомайское. Расположено оно в самой-самой воронежской слобожанщине. А сошлись в нем, судя как по фамилиям, так и по преданиям старожиллов — скажем, из сечевиков мои Чалые, а еще Велички, Шевченки, — тоже известные на Украине фамилии: Безручки, Шульженки, Игнатенки, Быченки. А чисто севернорусские корни, навер-

ное, имеют Босовы, Посежинные, Ремезовы, Резниковы, Тютеревы... Хотя как знать: потри чуток каждого и обнаружиши в нем хохла?..

Без малого четыре века тому назад — подчеркиваю — вновь сошлись, породнились две народности — южная и северорусская — на маленьком черноземном всхолмье. Дата эта только сейчас нам доподлинно известна. Да ведь ученые уже сегодня по-иному высвечивают глубь веков. Усилиями воронежского археолога Анны Москаленко и ее учеников доподлинно доказано, что на Дону в непосредственной близости к миру кочевников, у границ Хазарского каганата в восьмом-десятом веках прекрасно жили наши предки — донские славяне. Это приоткрывает тысячелетний занавес, заслонявший события одной из величайших исторических драм, пережитых русским народом, — хазарского ига и его падения, а потом уж — ига татаро-монгольского, золотоордынского. Пожары польхали на Дону; в середине десятого века славяне вынуждены были покинуть обжитую родимую землю и вернулись сюда только через несколько веков.

Так что — не просто «вольная сиротская дорога» в семнадцатом веке вела славян, разлученных историческими обстоятельствами в старые времена, на Малую и Великую Русь. Не просто на Донщину — наши предки возвращались на Отчину.

Оттесняя славян от реки,
Надвигалась враждебная издаль.
Но упрямо, орде вопреки
Вновь курились славянские избы!

Тут-то, в просторе полевом, «где сходятся милые Русь и Украина», суждено нам было родиться.

Вот теперь и отвечай: кто ты? русский? украинец? Мама, кохая меня в колыске-люльке, пела про серенького котыка-кота. А учительница на уроке открывала тоже чарующую волшебную бль:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...

И хоть в школе иной недотыка из учителей (попадались и таковые) стыдил прикласно одного за «хохлачий», а другого за «москалячий» язык, нарочито коверкая улошный говор, он не понимал, что мои сверстники, вопреки его нравоученью, росли богатыми людьми: с молоком матери впитывали в себя язык Тараса Шевченко и сердцем принимали в душу великого и могучего Пушкина.

Уже взрослым судьба свела меня с друзьями из Чехии, и даже шапочное знание украинского и основательное русского (к тому же наш праязык — старославянский, какой тоже хоть «проходили» в институте) не потребовало нам переводчика. Говорили друг с другом, как родные, дивясь близкому звучанию наших слов, означающих одно и то же.

Так кто же я? Если не стыжусь слез, слушая чистый, что из родниковой криницы, голос Нины Матвиенко:

Ой, лытили дыки гусы...

Или плачу — когда Людмила Зыкина «издалека долго» выведет тебя на Волгу. Плачу от счастья, что еще стоит наше славянское братство.

И вот думаю: этот вопрос «Чего больше во мне — русского или украинского?» — может, и подкинут мне со скандальным умыслом? В природе-то он не существует. Ведь все мы откуда родом? Откуда есть пошла русская земля.

Схоже отвечает и мой друг — поэт и земляк Александр Гаврилович Нестругин:

Кто я есть такой? Задача!
Перепутались пути:
Мать — с Хопра, почти казачка,
А отец — хохол почти.
Где — украинская мова,
Где — напевный бег Хопра...
Что он шепчет, голос крови,
Возле отчего двора?
Возле дома-палисада,
Полынка да муравы...
Как ни странно, нет разлада
В перемешанной крови!
И щекочет давней лаской,
Как дыхания парок,
Говор — говорок хохлацкий
И — хоперский говорок.
Так привычно, так надежно,
Так светло и горячо...
Кто я есть? Да разве можно
Тут сказать ясней еще?
Не страдая и не мучась,
Расклою листву веков,
И блеснет, как речка: русич!
Русич — вот я кто таков...

А на холме белеет храм

Позвонил священник, в миру — Леонид Иванович Гришанов:

— Еду в Подгоренский район. Приглашаю с собой. Везу закладной камень. В скиту памяти Серафима Саровского близ села Костомарово начинаем строительство храма иконы Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших».

У колхозной молочной фермы на околице кончился асфальт. А дальше — весеннее бездорожье, сапоги утопают в грязи. Вдали в меловой горе виден вход в пещерный скит. Чуть ниже на взлобке в яру четко просматривается среди омытой дождем молодой зеленой травы траншея под фундамент церкви. Нашли носилки. Возложили на них камень. С Божьей помощью — в путь.

И тут с пасмурных небес вдруг ливнем нас омыло. Но это не смутило нас. Шагаем со спутниками вперед и вперед. Остановимся, переведем дух. Снова в дорогу. А к месту добрались, когда и ливень пропал вместе с тучей. Жаворонок взмахнул крылышками. Пташка, а будто она прояснила небеса. С молитвой и песней жаворонка закладной камень освятили благочинные округов Острогожского — отец Александр — и Ольховатского — отец Леонид.

Все мы еще не ведали, что вскоре здесь быть вновь Костомаровскому Спасско-му монастырю.

У моего приятеля мать доживала свой век в городской квартире. Часто ей снилась сельская церковь, снесенная напрочь давным-давно. Рассказывала, повторяясь, о снах: «Видела, как живую, свечечкой стоит!» И всякий раз допытывалась: «Зачем порушили? Кому она помешала?» Схожую душевную горечь выплеснул в стихе поэт Николай Рубцов:

Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

Наверное, это же неизменная «жаль» однажды направила меня еще в советской Москве с моего Казанского вокзала на Ярославский. И уже скоро я был в Залесском краю, где-то за Владимиром.

Шел тропой, петляющей в не побитых октябрьскими заморозками луговых травах. Еще не растаял утренний туман, давило неуютное одиночество, изредка разбавлял его грохот поезда на скрытой деревьями близкой железной дороге. От безлюдья, что ли, путь показался долгим. Я уже побаивался, что заплутал, не туда иду. А солнце высветлилось — и шире, шире открывался простор.

Я вглядывался в прояснившуюся даль и вдруг совсем рядом увидел одиноко стоящую церковь. Встреча, к которой готовился, была так неожиданна. Горло перехватило: «живая, как свечечка», на вечных семи ветрах.

Храм Покрова близ речки Нерли знают многие по распространенным фотографиям и рисункам в книгах и альбомах, на красочных открытках. Но одно дело — картинка; совсем другое — увидеть въяе, своими глазами, потрогать древние камни собственными руками. Так считал не я один. После мне смотрительница скажет: «К нам со всего белого света идут».

Но в тот день у храма мне довелось оставаться единственным пришельцем. Пора ведь начиналась не пойми какая. С утра припугнет дождем, а на обратном пути с небес снежок закружит. Пока же пригревало по-летнему, высушило росу. После дороги и почти бессонной ночи у вагонного окна, а затем на привокзальной скамье, октябрьское тепло показалось подарком — можно ведь было даже присесть на траву и отдохнуть.

Здесь осознал, почему «восхождение на холм к церкви — как восхождение на небо. Человек вырастал, мир необъятный видел с холма. Красота поднимала его».

Шумел ветер в раскидистых кронах, кажется, вязов, гнал легкую рябь по речной воде, а в ней солнечными зайчиками-блестками светилось отражение храма. Он вроде бы проступал сквозь прозрачную воду из сказочного далека. Переведешь взгляд, даже не поднимая головы, вновь сердце сжимается — вот она какая, словно невеста, белокаменная церковь-Лебедь! Вроде всегда она тут, как речка и луг, как поле и небо.

Нет, возраст храма известен, девятый век пошел с 1165 года. Тогда, после долгого ига хазарского, свободно вздохнули славяне, свою долю устраивали. Владимир Святой «землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил». Цвети и радуйся, Русь! Как бы не так! После кончины Святославича меж князьями началась, говоря по-нынешнему, раздраз. Каждый тянул одеяло на себя, брал суверенитета, сколько руками удавалось загрести. Прилечь к Ярославу Мудрому: «Если будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим». Внять бы им завету Владимира Мономаха и жить в одно сердце. Куда там одолеть, усмирить гордыню. Одно твердят: «Каждый да владеет отчиной своей».

Вразумить сразу всех не могли половецкие набеги со степной стороны, где уже сгущались тучи нового нашествия.

Не о «неразумных» ли родичах под этими церковными сводами печалилась твоя душа, первый русский князь Андрей? Любимое чадо Юрия Долгорукого, на каких камнях оставил ты здесь свои следы? Не тут ли тебя благословили делать то, что спустя сотни лет завершат другие, кого назовут собирателями земли русской?

С «помощию Пресвятыя Богоматере оную церковь единым летом соверши», ты праздновал победу в походе на Волжскую Болгарию. Гордился ею. И плакал, «печалию... объят быв». По возвращении из похода от боевых ран скончался любимый старший сын князя Изяслав.

«Ондреевич» рос достойным отца своего. Ему-то князь доверял как себе. Никоновская летопись сохранила предание под 1160 годом. Андрей Боголюбский послал сына с воеводой Суздальским, Муромским, Рязанским и многими други-

ми на «половцы в поле за Дон далече». На каком песчаном откосе, Изяслав, спешился ты с коня, испил шеломом донской воды? Где преломил копьё о край поля половецкого? Воином ведь был храбрым. Наверное, как и отца, трое на одного не могли вышибить из седла. Наверное, как и он, умел один в пылу сражения остановить толпу растерянных, бегущих с поля брани и повести их в бой.

Тогда на Дону «бысть брань велика и сеча зла». Жестокой она была и на Волге. Тут и отец сражался рядом, а не сберег Изяслава.

Горевал Боголюбский о сыне. В память о нем храму плыть над землей белым облачком, пока не скроет даль веков имя русского воина. Печалился Андрей Великий — правитель, какому, по свидетельству современников, подчинялись триста русских князей. Печалился и молился.

— Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианам на сопротивленыя даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство...

Ты, князь, простился навечно с горячо любимым сыном, кровинкой. Еще впереди желанные победы. Но уже не так далек и час собственной мученической гибели: близкие твои руками «иноземного» окружения коварно убьют тебя в собственных покоях. Случится то неподалеку, в Боголюбовском гнезде.

Счастье наше — не ведаем, что написано на роду.

Думы твои и заботы о Руси родимой. Чтобы стать ей государством сильным и славным. Сам, впервые избранный на княжеский стол, уже мечтаешь о митрополите «всая Руси». Не советовался, не спрашивал согласия ни в Киеве, ни в Константинополе; вместе с епископом Владимирским положили праздник в честь матери-заступницы Пресвятой Богородицы. Князь Андрей верил (как же без веры вершить великое): укроет спасительница благодатным покровом землю Русскую.

Навеки храм нарекли — Покрова.

Имя и дела Андрея Боголюбского историей не забыты. Но ведь не только о нем, о его Изяславе вспоминаешь у храма. Грех не поклониться безвестному строителю. Может, в каменотесах был мой пращур, кто чудо «единым летом соверши». На донском белогорье хазарин рабом держал славянина. И вот русич выпрямился, вольным став, дивные дела творил. «О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? — задавался вопросом такой же — с талантом от Господа — Василий Шукшин. — Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норovit поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь — там заметят. Этого заботило что-то другое — красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе — туда, в твою черную жуткую тьму небытия — не услышишь. Да и что тут скажешь?»

Осталось в памяти: там, у храма, вдали от родимого порога я чувствовал себя как дома...

Храм Покрова на Нерли выстоял сквозь тьму веков. Страшно представить, скажем, что в 1874 году церковь свои же ближние хотели пустить на слом. Вознамерились из добротного камня возвести новую колокольню. Не сошлись в цене игумен Боголюбского монастыря и Владимирский епископ. В безбожном буреломе двадцатого столетия тоже уцелел храм. А сколько их, вознесенных даровитыми руками на радость, кануло в небытие. Кто скажет?..

«...не могу надивиться, как наши предки любили красоту, любили украшать землю. Церкви, храмы, монастыри... Да их надо сохранить только для того, чтобы сохранить красоту земли. Что это за земля без них? Слепая, мертвая, безду-

ховная... Тело без души. Голова без глаз», — так думал русский писатель Федор Абрамов. И далее он сказал важное: «...Церковь — это история России, это вечный дух нации, вера, которая питала, которой были преисполнены воители минувшей войны. Пусть осенит вас великое знамя наших предков».

ГОД 1996-й

Год очередных президентских выборов в России. Сраженный инфарктом Борис Николаевич Ельцин «работал над документами» в подмосковном санатории Барвиха. Социологические опросы населения утверждали, что на его карьеру можно ставить крест. Власть больше «светила» коммунистам и Геннадию Андреевичу Зюганову.

Разумеется, это не устраивало олигархов. Сделавший их небывалыми богачами, Анатолий Чубайс взялся хотя бы на время объединить непримиримых врагов в «прихватизации» государственного добра. Ему и это удалось. Прикрываясь больным Ельциным, во власть ринулась «семибанкирщина» — Березовский с Гусинским, Ходорковский с Потаниным, Смоленский с иными.

Березовский не скрывал: «Это была борьба за кровные интересы».

В предвыборной команде ведущая роль досталась дочери Ельцина — Татьяне Дьяченко, опекаемой придворным писателем Юмашевым, Березовским и Чубайсом. Они-то и сколотили «черную кассу». С деньгами в миллиарды долларов по указке лучших американских и английских политических технологов через телевидение, радио и печать основательно промывали мозги избирателю и убеждали, что лучше Ельцина президента на свете нет. Большой Борис Николаевич послушно спускался в угольную шахту; ехал в глухой дальний медвежий угол; выбиваясь из последних сил, отплясывал с молодыми на сцене...

В каждую семью кипами несли роскошно оформленные цветные газеты-страшилки «Не дай Бог!» про то, что будет, если к власти придут коммунисты.

— Бояться большевиков, — рассуждали читатели в глубинке. — Вдруг, да возьмут демократов за шкуру.

А брат было за что. Из выборной «черной кассы» доллары разворовывали ксероксными коробками. И в это же время народу задерживали выдачу зарплат, пенсий, пособий.

После второго тура Ельцин вновь стал рулевым у государственного штурвала. Западные наблюдатели не моргнув глазом уверяли: свободнее и честнее выборов не было и нет.

По схожей накатанной колее избирали власть в «ближнем зарубежье». На Украине, в соседней Луганской области, читал схожие листовки о том, сколько украинского сала и хлебных палаяниц съедала Россия в советские годы. Потому украинцам со своими коммунистами тоже «век счастья не видать».

Дурной пример заразителен. В нашей Воронежской области большинство глав районных администраций не шли на прямые выборы. Сколачивали «ручные» Советы народных депутатов. Избирались в их состав по «любимому» сельскому округу. А дальше — при поддержке послушных депутатов — как по маслу катили к районному «рулю» и «кормушке» местного масштаба...

* * *

Делегация воронежских журналистов недавно побывала на полиграфической выставке в Амстердаме. Выдался у них свободный день. Газетчики навестили Париж, а по пути прогулялись по Брюсселю. Путешествовали в трех государствах и даже не заметили, как пересекали границы...

В детстве меня отец брал на сенокос. Событие незабвенное, неповторное. Жили в степном селе на суходоле, а за буграми и ярами скрывался заманчивый мир с речкой в лозах и зеленоватым лугом. Однажды в бригаду на покос заехал постоянно ходивший колхозным начальником местный мужик. Илья Гаврилович стал жаловаться на нервотрепку, на судьбу-злодейку. Косари пожалели его: плюнь, мол, на все, бери косу и становись в ряд.

Илья Гаврилович охотно согласился — поплевал в ладони и вместе с косцами вышел на покос.

Вжик-вжик-вжик!.. Только успевай помахать косой! Сосед уходит вперед, а задний наступает, грозит отстающему подрезать пятки. Вжик-вжик!.. Скоро Илья Гаврилович запарился, сбросил рубаху, погода скинул майку. В перекур, когда отдышался, вытер взмокшую раннюю лысину, пообсох и сказал чистосердечно с простодушием, как свой своим:

— Работать хорошо, а руководить лучше.

Эти его слова частенько со смехом погода вспоминали косари, когда кого-нибудь шуткой пророчили в начальство. «Командовать ведь лучше, сам Илья Гаврилович признал».

Покинули уже белый свет те последние косцы и их колхозные бригадиры, председатели. Но на перевыборных собраниях в селе с улыбкой схоже напутствуют нового «голову». Шутят, отдавая себе отчет, понимая, что ноша рулевого по-своему тяжела. Несли и несут ее многие довольно успешно. А вот испытание властью выдерживают далеко не все. Не зря на сей счет народом сказано, что в камне вырублено: хочешь узнать человека — сделай его начальником...

Так сложилось: хочешь не хочешь, каждый из нас нынче лично пристрастен к выборам главы государства, области, района, города или села. Бесконечная череда избирательных кампаний многим поднадоела, а куда деваться. Уклад жизни принят большинством, будь добр подчиняться. Правила игры таковы, что даже отмахнешься, не возьмешь в руки выборный листок — твое неучастие значимо, твой «не голос» тоже может оказаться решающим, в конце концов.

Не надо винить телевизор, выключать радио, рвать газету, одурачившую кого-то из нас. Таковы правила буржуазной выборной игры. Вспомните: когда Ельцин устал слышать напоминания об обещании лечь на рельсы в случае повышения цен, тогдашний пресс-секретарь Костиков услужливо подсказал уже произнесенное западной знаменитостью: ради победы на выборах можно на публике и шляпу съесть. Так что нужно учиться не быть доверчивым к любому, кто заявил о своем хождении во власть.

Белое поле пустыни

Осеннее поле было непривычно лишь для Марии. С рассвета под еще ярким южным солнцем оно вдруг стало ослепительно белым-белым. Будто чистым снегом укрыло землю за ночь. Нет же. То на хлопчатнике опали листья, и разом открылись свету в резных чашечках-ладонках светлые хлопья — зрелые, готовые к превращению в умелых руках в полотно ткани.

Мария еще не знала, что цветок хлопка был самым любимым в узбекском народе. Он есть в песне и танце, в узорах на одежде и в росписях на домашней утвари.

Судьба неожиданно дарила диво ей, механизатору Ковалевой, гостье из воронежского Черноземья. Впрочем, какая она теперь гостья? В том 1954 году Мария

обживалась в Узбекистане — в колхозе имени Тимирязева близ районного городка Буки Ташкентской области. А чуть раньше в здешние края переселились вместе с односельчанами семья старшей сестры Наташи Певченко и мама Ульяна Семеновна Ковалева.

При приеме на работу директор машинно-тракторной станции Михаил Иванович со странновато страшной фамилией Живодеров — как оказалось, добрейшей души человек — сам вслух изучал документы и беседовал с Марией. Величал по отчеству. Так с ней разговаривали впервые.

— Так, Александровна, родилась ты десятого декабря тысяча девятьсот тридцатого года. Село Цапково Новокалитвянского района Воронежской области. Русская, а говоришь, как украинка.

— Мы воронежские хохлы, — объясняла Мария. — В роду были ковали-кузнецы. Записали — Ковалевы.

— Так, Александровна, двадцать четвертый год тебе, а уже трактористом-комбайнером поработала немало. Не тяжело?

— Вроде справляюсь. Мама говорит, что я вся в отца. Из породы ковалей. С детства старше своего возраста. Председатель нашего колхоза имени Кирова Петр Андрианович Шевченко в пятнадцать лет послал меня на курсы трактористов. Мужики, мол, воюют, некого за руль сажать. Уступишь свое место отцу, когда с фронта вернется. А батя погиб. Осталась я механизатором. И пока не жаляю.

— Это хорошо, Александровна. Да и статью тебя природа не обделила. Коня на скаку остано­вишь, в горящую избу войдешь. То о тебе сказано. Нам такие нужны. Сеяла-молотила ты пшеницу, теперь будешь выращивать чигит. Знаешь, что это такое? Узбекский хлеб — белое золото. Хлопок. Людей ведь не только кормить надо, но и одевать. Сразу скажу: земля здесь — не ваши черноземы. Упустишь — присушит, пашня — что камень, на глазах станет пустыней. Жить придется в поле.

— Я к этому уже привыкла.

— Раз так, то принимай, Александровна, технику...

На хлопковом поле Мария уже как механизатор повторяла пройденный ею на родимой ниве «пшеничный» путь.

Садилась за руль трактора. В сцепке то плуг, то бороны, то культиватор. Пашня — что грядка. Выезжай с сеялкой. Одно отличие: на хлопке за лето до девяти раз рыхлила междурядья. Солнце палящее после полива, после дождя быстро сушит землю.

Подоспела уборка — в поле выходили женщины, в фартуки руками собирали с каждого куста белую вату.

Знакомая песня:

За горою у колодца,
Где студеная вода,
Вслед за жнейкою вязала
Снопы девка молода.

Когда Мария впервые встала за штурвал новенького зерноуборочного комбайна «Коммунар», еще ведомого трактором, кто бы поверил, что напрочь канут в небытие конные косилки-лобогрейки, самоскидки и перетянутые вручную перевеслом снопы. А каждый сноп на краю загонки укладывали в скирд и обмолачивали зерно после жатвы.

Прослышав, что воронежская Мария на свой лад переоснастила заводской культиватор, директор сам прошел по полю вслед за агрегатом. Похвалил:

— Ты у нас конструктор, Александровна.

А когда во двор МТС доставили первый хлопкоуборочный комбайн, то Михаил Иванович во всеуслышанье заявил Ковалевой:

— Засучивай рукава. Тебе творить техническую революцию.

Директор не ошибся: молодость и смелость высоты берут. Ведь в механическую уборку хлопка в ту пору не только в каком-то колхозе — в Узбекистане мало кто верил.

Не сразу комбайн подчинился Марии. Бункер наполнялся хлопком быстро, но и пройденная загонка белела утерянной ватой-пухом. Опытные технари судили-рядили: без ручного сбора не обойтись. И в верхах власти так считали. Урожай собрали рекордный. Но комбайнеру Ковалевой пусть и вручили высший в стране орден Ленина, а сборщице хлопка, неутомимо ловкой Саодат Гульяхмедовой, присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Машинно-тракторные станции расформировали, а технику передали в сельхоз-предприятия. Директор возглавил пригородный совхоз «Буки», в котором осваивали, по сути, целинные земли под хлопчатник. Солончаки да топи. Размечали первые улочки будущего поселка, колышками означали места новостроек. Михаил Иванович настоял вначале посадить парк. Что и сделали. В новом коллективе — русские и украинцы, узбеки и туркмены, киргизы и татары, корейцы... Уговорил Михаил Иванович оставить обжитое место Марию Ковалеву, позвал на вырубку:

— Без таких опытных механизаторов, как ты, Александровна, нам хлопок не вырастить.

Переехали в хороший дом с подворьем, где сразу посадили чинару — пусть растет любимое здесь всеми красивое — высокое и тенистое — дерево и душу греет. В зимние месяцы учила механизаторов на районных курсах. Среди ее питомцев была и знаменитая сборщица Саодат. Проворная в поле, в кабине она с боязнью бралась за рычаги трактора. «Не бойся, машина послушная, — подбадривала Мария. — На ней больше меня хлопка собирать будешь». У девушки-узбечки слезы в глазах: «Не получается из меня механизатор». — «Не робей, воробей. Мужикам нос утрешь!»

А весной Ковалева сама чуть не плакала, ругала себя: зачем согласилась на переезд. Двадцать дней засекала пятидесятигектарное поле. Дождь за горой, а трактор уже по ступицы вязнет в пашне. Такого трудного поля еще не было в ее жизни. Она уже знала: солончаки здесь сами по себе не становятся плодородными. Сколько навоза, минеральных удобрений придется внести. Впрочем, крестьянский хлеб везде и всегда нелегок.

Серебряную и Золотую медалистку Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства поддерживали газетчики. «Заслуженный механизатор Узбекской ССР Мария Ковалева возглавила первое механизированное звено. Сейчас их только в Букинском районе более шестисот. Вырывая у непогоды буквально каждую минуту, каждый час, ведут сев хлопчатника».

От осени до осени ковалевское поле становилось урожайнее. Приращивала гектары и собирала с каждого по тридцать и более центнеров, а всего — за двести тонн хлопка. В 1971 году Марии Александровне Ковалевой присваивают звание Героя Социалистического Труда.

В селе Цапково я услышу от Марфы Прохоровны Певченко:

— Марийка стала Героем! Да мы же в школу с ней вместе бегали. Когда наши солдаты турнули оккупантов — немцев и итальянцев, — фронт отодвинулся, мины и снаряды с поля выносили. Вместе на тракторах начинали работать. Надо же. Марийка — Герой.

Главное — стараниями крестьянки, для которой белая коробочка хлопка стала такой же привычной и дорогой, как колос воронежской нивы, в Узбекистане

укреплялось доверие к механизированной уборке. Ее мнение, ее предложения учитывал генеральный конструктор хлопководческого комбайна Радкевич. Евгений Владимирович и его команда исполняли «социальные заказы» Марии Александровны. Бункер оснастили гидравлической-механической «топтушкой» для трамбовки хлопка. Не надо больше механизатору «плясать» на коленях, утаптывая вату. На барабан поставили съемные щетки с креплением без болтов. Менять их теперь — не час, минутное дело.

Думай, конструктор, создавай комбайн для поярусного сбора «косовицы» хлопка. Вместе с ним поднимала целину в механизации хлопководства и Мария Ковалева. Звание Героя за так не дают. Цветную открытку с портретами лучших в Узбекистане бригадиров-хлопководов сестер Ковалевых — Натальи и Марии — зазря не выпускают. По труду была — «честь и слава вам!»

Жаль, директор не увидел, как Александровна оправдывала его доверие. Михаил Иванович совхоз вывел в люди, да себя надорвал. До срока завершил свой земной путь.

Гордилась дочерьми мама Ульяна Семеновна. Марии она помогла вырастить сына Виктора. Раз знатный хлопкороб не волен свободно распорядиться своим временем, то бабушка с внучком собралась в дальнюю дорогу и показала ему родимый Дон и меловое белогорье, степное село на всхолмье, по которому пролегла и его, Вити, первая тропа. Семеновна нянчила и правнучат — Олю и Сашу. Молодая бабушка Мария — все в поле да в поле. Там же и Виктор — машинист-электрик насосной станции. Его жена Галя — медицинская сестра в сельской больнице. Все при делах. А прабабушке Ульяне в радость баюкать детишек и принимать от почтальона свежую почту.

Открыла журнал «Крестьянка» — увидела портрет дочери Марии. В главной газете страны «Правда» чуть ли не на всю страницу рассказ о ней же — «Букинское созвездие». Статьи, фотографии в районке, в областной газете «Ташкентская правда», в республиканской «Правде Востока».

Приятно Семеновне за дочь и жаль ее: только постоит у кровати над спящей Оленькой, во дворе полюбуется на любимые розы — и опять туда же, на хлопок. Судьбу не выбирают.

Перекроила жизнь Героини, как и миллионов ее сограждан, перестройка, объявленная молодежью да говорливым Генеральным секретарем ЦК КПСС. Кто бы знал, что в считанные годы он станет не созидателем, а могильщиком великой державы?

Взлелеянное женскими руками узбекское поле, схожее в пору цветения с белым полем пустыни, стало родимым для воронежской крестьянки-колхозницы Марии. Ему она достойно посвятила себя сполна. В этой земле она похоронила маму, старшую сестру. Здесь она стала заслуженным человеком.

Потому таким мучительным было для нее расставание с Узбекистаном и с могучей страной — как и для всех, «кто из Союза родом», для кого «Родина не может быть чужой».

Трудно найти объяснение, но механизаторы, инженеры, учителя, музыканты, художники — специалисты, но люди иной национальности — вдруг стали «лишними» там, где они жили, трудились, творили...

Этого не могла понять и принять Мария Александровна.

Семья сына вынужденно переехала на родину его жены Галины в Одесскую область в 1993 году. «Спустя три года забрали к себе и маму, — пишут Ковалевы. — Но ей хотелось, как она говорила, дожить век под своей чинарой, у своих роз, там, где трудилась. Дважды съездила из Одессы в Узбекистан и убедилась, что никому она там не нужна. В 2000-м году оформила, приняла гражданство

Украины. Девятого сентября 2007 года в возрасте 77 лет скоропостижно скончалась. Остановилось сердце. Похоронена у нас в селе Шевченково Килийского района».

На географическую карту глянешь — кажется, что в Шевченково доносится шум волн близкого Черного моря. И что слышится в криках чаек? Голос души далекого предка — слободского казака, ставшего суворовским воином, — Коваля, Ковалева, который на исходе восемнадцатого века взял штурмом у турок неприступный Измаил и утвердил здесь, на Дунае, границу России?

Или твой одинокий голос в песне на малой воронежской родине, вдруг отрезанной от тебя новой границей?

Сколько сердец разбито, сколько судеб изувечено этими кордонами. Даже материнское сердце до последнего мига не находило между ними покоя.

Кому же они нужны? Если бы знать, если бы знать...

